

№ 35. Томъ II. На годъ, съ доставкою и пересылкою—7 руб.; на полгода — 4 руб.; на 3 мѣсяц. — 2 руб. Отдѣльн. №№ по 20 к. С.-Петербургъ, 1 Сентябрь 1879 года. Адресъ конторы редакціи: С.-П.-бургъ, Новая улица, домъ № 6. Годъ VII

Реполовъ.

Изъ **А. Додэ.** Пер. **А. Вигляпскій,**

Въ вечерній часъ, про смерть твою, бѣдняжка,
Наединѣ
Я вспоминалъ,—когда впорхнула пташка
Въ окно ко мнѣ.

Въ окнѣ она присѣла па мгновенье
Нарядъ встряхнуть
И, дерзкая, рѣшилась безъ смущенья
Ко мнѣ порхнуть.

Я сразу разглядѣлъ въ ней реполова...
Я зналъ: они
Какъ мухи, гибнутъ отъ мороза злого
Въ иные дни.

Я молвилъ: «Ты не во-время, дружище:
«Теперь я самъ
«Страдаю... Впрочемъ, если дѣло въ пищѣ,—
«Пожалуй, дамъ.

«Что хочешь: просо иль маисъ для пробы,
«Не то овесъ?
«Скажи мнѣ прямо, гость любезный, чтобы
«Я вмигъ принесъ».

Но я отвѣта не былъ удостоенъ...
Мой новый другъ
Искалъ чего-то, видимо разстроенъ,
Смотрѣлъ вокругъ.

Я, вѣрно, выглядѣлъ совсѣмъ уныло:
Мой гость-пострѣлъ
Вдругъ отвернулся и довольно мило
Романсъ запѣлъ.

II.

Я пѣвуна хотѣлъ (всему есть мѣра)
Прогнать во мглу,
Но... видно ужь такая атмосфера
Въ моемъ углу:

Онъ на меня взглянулъ глубоко грустно,
Мой реполовъ,
И этимъ взглядомъ въ душу мнѣ искусно
Проникъ безъ словъ.

Казалось, онъ сбирался разрыдаться
И мнѣ сказать:
«Не будь жестокимъ—перестань смѣяться—
«Не надо лгать.

«Она жива... не такъ-ли? Я открою!
«Жива иль нѣтъ,—
«Я отыщу ее, я перерою
«Весь кабинетъ».

И, будто-бы въ обманѣ убѣдиться
Желая самъ,
Онъ сталъ летать, заглядывать и рыться
И тутъ, и тамъ.

Во всѣхъ углахъ, подъ мебелью порхая
И за драпри,
Онъ восклицалъ: «Гдѣ, гадкая, гдѣ, злая?
«Гдѣ? говори».

Онъ взгромоздился на кроватный пологъ;
Подъ нимъ, на немъ,
Вездѣ смотрѣлъ—и взглядъ его былъ долог,
Свѣтилъ огнемъ.

Потомъ, едва вытягивая крылья
И клювъ раскрывъ,
Спустился онъ ко мнѣ не безъ усилья,
Разбитъ, чуть живъ.

III.

Я все смотрѣлъ за маленькимъ пришельцемъ...
Онъ прыгать сталъ,
Но вдругъ чирикнулъ—и всѣмъ нѣжнымъ тѣльцемъ
Затрепеталъ.

Бѣднякъ вертѣлъ туда-сюда головой,
Летать не могъ
И повалился, въ позѣ пренеловкой,
Ко мнѣ, у ногъ.

Раскрывъ зрачки,—а въ нихъ огонь не кроткій
Блеснулъ, потухъ,—
Онъ испустилъ какой-то крикъ короткій
И съ нимъ свой духъ.

Физіологія и Психологія.

Критическій этюдъ профес. **Александра Герцена.**

Въ ноябрѣ 1877 г. «Revue des deux Mondes» помѣстилъ статью Б. Эггера, повидимому, имѣвшую цѣлью критическій разборъ трудовъ Льюиса, въ дѣйствительности же, служащую протестомъ противъ психологическихъ тенденцій современной физіологіи. Мы займемся исключительно общими выводами упомянутой статьи.

Эггеръ исходитъ изъ «аксіомы», что физіологія и психологія имѣютъ своею задачею изученіе совершенно разнородныхъ фактовъ. По его мнѣнію, съ одной стороны существуютъ пространственныя (имѣющія протяженіе) или матеріяльныя явленія, съ другой внѣпространственныя, (не имѣющія протяженія) духовныя; пространственныя—волокна, клѣточки и соединенія ихъ—органы и организмы; далѣе, движенія этихъ организмовъ и ихъ элементовъ или же молекулярныя движенія матеріяльныхъ силъ, напр. электричество, теплота и т. д.; между тѣмъ, какъ чувства, мысли и акты воли образуютъ внѣ пространственныя явленія. Такимъ образомъ слѣдуетъ принять три величины: «Органъ и его отправленіе, оба подчиняющіеся физическимъ законамъ, и мысль, принадлежность мозга, неподчиняющуюся этимъ законамъ». На этой аксіомѣ онъ основываетъ слѣдующее умозаключеніе: «Человѣческій разумъ не знаетъ большаго различія, какъ основанное въ одномъ случаѣ на присутствіи протяженности, а въ другомъ на отсутствіи ея. Между измѣримымъ и неизмѣримымъ, вещественнымъ и невещественнымъ, нѣтъ промежуточной ступени; между тѣмъ объясненіе психическихъ явленій помощью физіологическихъ дѣйствій требуетъ подобной промежуточной связи между измѣримымъ и неизмѣримымъ; изъ этого слѣдуетъ, что изъ всѣхъ объясненій психическихъ явленій физіологическое самое непримѣнимое и что никакое открытіе не въ состояніи указать связи между измѣримымъ мозгомъ и его функціей и невещественною мыслью».

Авторъ говоритъ далѣе, что существуютъ четыре экспериментальныя науки, имѣющія цѣлью изученіе человѣка: психологія, анатомія, физіологія и психофизіологія. Онъ утверждаетъ, что психофизіологія и физіологія мозга двѣ совершенно независимыя науки; первая, представляющая синтезъ физіологіи и психологіи, изучаетъ разнородныя явленія, постоянно находящіяся въ тѣсной связи между собою, несмотря на пропасть, которая должна бы разъединить ихъ—все это очень напоминаетъ «гармонію» Лейбница, но совсѣмъ не гармонируетъ съ пріемами позитивной науки. Впрочемъ онъ считаетъ пока подобный синтезъ невозможнымъ, по той причинѣ, что физіологическая функція мозга, по его мнѣнію, еще совершенно неизвѣстна, онъ заключаетъ это повидимому изъ того обстоятельства, что между физіологами существуетъ до сихъ поръ такъ мало согласія относительно локализаціи мозговыхъ функцій.

На эту статью г. Эггера появился отвѣтъ въ Revue Philosophique отъ 1 января 1878 г., краткая, но очень ясная и умная защита экспериментальнаго метода, д-ра Ш. Рише, въ которой, онъ впрочемъ слишкомъ много занимается общею стороною вопроса, не входя въ опроверженіе отдѣльныхъ положеній Эггера. Этого возраженія было бы достаточно, если бы въ февральской книжкѣ того же Revue не появилось длиннаго и пылкаго отвѣта Эггера, на который послѣдо-

вало такое же краткое опроверженіе Рише; но оно кажется мнѣ недостаточнымъ для установленія вѣрнаго взгляда со стороны общественнаго мнѣнія и потому я попытаюсь представить правильное опроверженіе всѣхъ главныхъ положеній Эггера.

Вопросъ относительно локализаціи въ центральномъ, основномъ или корковомъ веществѣ мозга не имѣетъ ничего общаго съ основнымъ принципомъ, по которому продуктъ мозговой функціи есть—мысль. Мы положительно знаемъ, что клавиши и струны фортепьянъ производятъ звукъ, скажу я, воспользовавшись сравненіемъ самого Эггера, и этотъ принципъ можетъ быть утвержденъ прочно и непоколебимо, хотя мы и не обязаны знать, до какой именно клавиши нужно дотронуться и какую именно струну заставить колебаться, чтобы произвести извѣстный звукъ. Это незнаніе препятствуетъ полному пониманію всѣхъ особенностей механизма, но отнюдь не основныхъ законовъ его дѣятельности, если мы будемъ разсматривать этотъ механизмъ, какъ цѣлое, состоящее изъ многочисленныхъ частей, изъ которыхъ намъ извѣстны только немногія. Если для насъ многое еще темно въ дѣятельности мозга, если большая часть дѣятельности нашего мозгового инструмента извѣстна намъ исключительно по производимымъ имъ тонамъ, причемъ мы не въ состояніи указать на струны и клавиши, соотвѣтствующія этимъ тонамъ, мы все же не имѣемъ никакого основанія заключать, что между этими тонами и неизвѣстными намъ струнами не существуетъ никакой связи и что изучать эти тоны должно отдѣльно, независимо отъ производящаго ихъ механизма; напротивъ это обстоятельство должно служить главнымъ предостереженіемъ противъ подобного вывода, такъ какъ именно психическія явленія всего легче могутъ быть ложно поняты и истолкованы, тѣмъ болѣе что субъективныя ощущенія, индивидуальныя абстракціи и заблужденія такъ легко берутъ верхъ надъ опытомъ и объективнымъ наблюденіемъ.

Какъ только отрицаютъ возможность посредствомъ изученія физіологіи мозга, возвысить уровень нашихъ психическихъ знаній, ipso facto осуждаютъ психологію оставаться вѣчно дедуктивною и лишаютъ ее всякой возможности превратиться въ индуктивную науку.

Такъ какъ мы несомнѣнно знаемъ, что большая часть психической жизни проходитъ для насъ незамѣченной, то ясно, что только относительно малая часть ея доступна нашему сознанію.

Мы можемъ сравнить психическую жизнь съ моремъ, поверхность котораго изображаетъ границу между сознательнымъ и безсознательнымъ; роковымъ образомъ нашему сознанію недоступно все, что таится подъ этой поверхностью, оно можетъ наблюдать только тѣ психическія явленія, которыя возникаютъ въ невѣдомой глубинѣ съ такою силою, что подымаются надъ поверхностью. Мы, физіологи,—водолазы, изслѣдователи этого психическаго моря и только мы одни можемъ открыть сокровенныя причины прихотливаго, измѣнчиваго движенія его волнъ. Что бы сказали о геологѣ, который изучалъ бы отдѣльно и независимо отъ прочихъ каждый изъ островов одного архипелага, не обращая ни малѣйшаго вниманія на общность соединяющихъ ихъ нижнихъ слоевъ? Подобное изученіе могло бы имѣть мѣсто, если бы психическія явленія были такъ же устойчивы и тверды, какъ острова; но они появляются и исчезаютъ въ быстрой смѣнѣ, такъ что психическую жизнь можно скорѣе сравнить съ безпокойнымъ появленіемъ на поверхности моря множества дельфиновъ, быстрая смѣна которыхъ способна вызвать иллюзію, что это одно громадное существо. Что бы сказали о зоологѣ, который, стоя на берегу моря, хотѣлъ бы распознать каждую отдѣльную особь въ стаѣ дельфиновъ или изучить новый видъ рыбъ и опредѣлить, откуда онѣ явились и куда идутъ? Мы не должны забывать также, что сознаніе не есть способность, совершенно независимая отъ конкретныхъ психическихъ дѣйствій, но свойство безсознательныхъ психическихъ дѣйствій, нѣчто, составляющее часть ихъ, какъ свѣтъ — составляетъ извѣстную принадлежность блуждающаго огонька. Вслѣдствіе этого, сознаніе должно неизбѣжно подчиняться вліянію этихъ дѣйствій, воспринимать ихъ свойства и ни въ какомъ случаѣ не можетъ отрѣшиться отъ нихъ, чтобы разсматривать ихъ объективно, какъ нѣчто постороннее или же какъ вполнѣ независимыя явленія. Наблюденіе надъ внутреннимъ міромъ посредствомъ индивидуальнаго сознанія можетъ быть только крайне недостаточнымъ и способъ этотъ находится въ прямомъ противорѣчіи съ основными правилами индуктивнаго наблюденія.

Субъективную доктрину чрезвычайно легко и удобно принять за аксіому; благодаря этому, мы избѣгаемъ необходимости доказывать основныя положенія, изъ которыхъ мы исходимъ. На самомъ дѣлѣ г. Эггеръ **не хочетъ** доказывать справедливости своихъ положеній; онъ не допускаетъ, что они составляютъ послѣдствіе разсужденія; они должны быть аксіомой, слѣдовательно не требуютъ доказательствъ.

Такое дѣйствіе напоминаетъ силлабусъ непогрѣшимаго папы, но не научное изслѣдованіе. Какимъ научнымъ соборомъ признано существованіе дуализма между неизмѣримою мыслью и измѣримою матеріею со всею сферою ея функцій, представляющихъ различные виды движенія? На чемъ основано мнѣніе, что особая форма движенія, извѣстная подъ именемъ психической функціи, существенно разнится отъ прочихъ, отдѣляется отъ нихъ недоступной для изслѣдованія пропастью? Нужно быть пораженнымъ слѣпотою, чтобы не видѣть, что единственное различіе между психическими движеніями и прочими молекулярными движеніями заключается въ томъ совершенно второстепенномъ для самой сущности движенія обстоятельствѣ, что психическое движеніе составляетъ часть нашего существа и мы получаемъ о немъ представленіе, какого не можетъ составить о прочихъ движеніяхъ — представленіе субъективное. Вслѣдствіе этого мы не имѣемъ возможности отнестись къ нему вполнѣ объективно, такъ какъ оно въ одно и тоже время субъектъ и объектъ наблюденія; разсматриваемыя объективно, чувство, проявленіе воли суть молекулярныя движенія мозга, а при субъективномъ наблюденіи это молекулярное движеніе есть чувство, мысль, воля. Но вслѣдствіе этого не измѣняется нисколько сущность психическаго явленія; различенъ только способъ нашего изслѣдованія, онъ полнѣе, такъ какъ мы обладаемъ способомъ изслѣдованія, который неприложимъ къ изученію другихъ явленій. Психическое явленіе само по себѣ всегда является спеціальною формою молекулярнаго движенія, въ которомъ мы различаемъ движеніе механическое, физическое, химическое, органическое, психическое, и это послѣднее подраздѣляемъ на ощущенія, сознаніе, волевые акты, которые относятся къ цѣлому, какъ фіолетовые, красные, желтые и другіе лучи свѣта къ цѣлому спектру.

Физіологія обладаетъ теперь несомнѣнными доказательствами, что психическій процесъ есть особый видъ молекулярнаго движенія; этими доказательствами съ одной стороны прочно установленъ фактъ, что психическое дѣйствіе для проявленія своего требуетъ извѣстнаго, сравнительно долгаго времени и что въ мозговой массѣ развивается теплота, какъ только возникаетъ психическая дѣятельность. Раздѣленіе движенія, по Эггеру, на измѣримое (вещественное) и неизмѣримое (невещественное), не имѣетъ смысла можно утверждать, что движеніе измѣримо, если признаку придавать характеръ **сущности**, что въ такъ называемомъ «чисто физическомъ ряду явленій» соотвѣтствовало бы субстанціализаціи звука, красокъ, электричества, химическаго сродства; движеніе не есть сущность; оно только принадлежность или функція разлитой въ пространствѣ силы и не можетъ существовать независимо отъ своего субстрата; существуетъ матерія въ движеніи; но внѣ этой движущейся матеріи не существуетъ движенія. Движеніе само по себѣ слѣдовательно такъ же неизмѣримо, внѣ пространства, какъ всякое другое качество, положеніе или состояніе бытія. Если допустить этотъ фактъ относительно физическихъ явленій, нѣтъ никакого основанія отвергать его, когда дѣло идетъ о явленіяхъ психическихъ. Никто не сомнѣвается болѣе въ томъ, что психическое движеніе своеобразно; но этому слову не слѣдуетъ придавать болѣе значенія, чѣмъ оно имѣетъ въ дѣйствительности. Свѣтовыя движенія настолько же отличаются отъ теплородныхъ, сродство отъ тяготѣнія. Психическое движеніе своеобразно только потому, что оно происходитъ въ извѣстной средѣ и что мы не знаемъ никакого другого субстрата, въ которомъ могла бы имѣть мѣсто именно данная форма движенія. Это доказываетъ, что психическое движеніе возможно только въ мозгѣ, безъ него же невозможно.

Перейдемъ къ другимъ пунктамъ статьи Эггера. Онъ говоритъ: «Анатомическій мозгъ видимъ и осязаемъ, между тѣмъ какъ его физіологическія функціи не поддаются никакому наблюденію; ихъ не видно, не слышно; нѣтъ никакого слѣда ихъ; функція мозга неизвѣстная величина, эквивалентъ которой еще не найденъ». Все это совершенно ложно по формѣ и сущности. Можемъ-ли мы видѣть или осязать электричество? Конечно нѣтъ, мы видимъ только его механическія, физическія или химическія проявленія; но изъ этого нисколько не слѣдуетъ, что дѣятельность электрическаго столба есть неизвѣстная величина или ничто. Г. Эггеръ требуетъ отъ физіологіи мозга, чтобы она собрала пучекъ мыслей на стеклышко и указала подъ микроскопомъ ихъ составныя части. Если онъ пришлетъ намъ кусочекъ свѣта или теплоты, мы готовы вознаградить его литромъ мыслей! Если мы станемъ объективно изучать физіологію мозга, то можемъ увидѣть химическія и механическія проявленія его дѣятельности, но отнюдь не молекулярное движеніе, производящее ихъ; упомянутыя нами явленія происходятъ отъ разрушенія мозгового вещества и раздраженія двигательныхъ нервовъ, обусловливающихъ сокращеніе мускуловъ. Здѣсь, какъ и всюду, мы замѣчаемъ только видимыя проявленія невидимыхъ процесовъ.

Г. Эггеръ пишетъ далѣе: «Совершенно справедливо принимаютъ, что неизмѣримый міръ равносиленъ неизвѣстной функціи (вслѣдствіе знаменитой «гармоніи»), но въ наукѣ онъ никогда не можетъ быть эквивалентомъ ея, такъ какъ никакое открытіе не въ состояніи указать такой же связи между мыслью и мозгомъ, какъ между железой и ея выдѣленіемъ». Мы видимъ теперь, что г. Эггеръ хотѣлъ сказать своими видимыми и ощущаемыми предметами; именно онъ желалъ выставить въ совершенно ложномъ свѣтѣ сравненіе, неосторожно сдѣланное нѣкоторыми физіологами между мозгомъ и железой. Нужно имѣть не малый запасъ упрямства, чтобы не понять, что этимъ сравненіемъ желали сказать только, что какъ железа неизбѣжно нужна для образованія выдѣленія, также точно необходимъ мозгъ для образованія мысли. Никому не приходило въ голову сравнивать мысль съ выдѣленіемъ. Ничто не можетъ быть очевиднѣе, что выдѣленная железой жидкость не есть **отправленіе** самой же-

лезы. Желчь не отправленіе железы, какъ моча не функція почекъ; функція железъ состоитъ въ молекулярномъ измѣненіи ихъ клѣточекъ, которое имѣетъ послѣдствіемъ своимъ выдѣленіе жидкости, характеризующей железу; выдѣляющій процесъ самъ по себѣ есть такое же невидимое и неосязаемое молекулярное движеніе, какъ и мысль; если разсматривать мозгъ, какъ железу, то выдѣленіемъ будетъ не мысль, а унесенные кровообращеніемъ продукты разложенія мозгового вещества.

Говоря языкомъ г. Эггера, мы скажемъ, что процесъ выдѣленія есть не вещественный фактъ въ функціональной дѣятельности железы, а выдѣленіе — вещественный. Но онъ остерегается высказать такое мнѣніе, такъ какъ въ этомъ случаѣ онъ былъ бы вынужденъ признать полнѣйшую тождественность въ дѣятельности мозга и железы, вмѣсто предполагаемаго имъ глубокаго различія.

Излюбленное сравненіе: «мозгъ относится къ мысли, какъ печень къ желчи», совершенно ложно; въ дѣйствительности такое же отношеніе между мозгомъ и мыслью, какъ между любымъ органомъ и его молекулярнымъ движеніемъ, каковъ бы ни былъ продуктъ этого движенія. Или наоборотъ железа находится въ такомъ же отношеніи къ выдѣленію, являющемуся вслѣдствіе ея молекулярнаго движенія, какъ мозгъ къ продуктамъ разложенія нервнаго вещества, являющагося вслѣдствіе психическаго молекулярнаго движенія.

Принявъ послѣ всѣхъ этихъ разъясненій главную аксіому и заключительный выводъ г. Эггера и примѣнивъ ихъ къ примѣру, причемъ мы исключимъ все субъективное, — мы тотчасъ увидимъ ихъ непригодность и нелѣпость. Мы не будемъ брать въ примѣръ фортепьянъ, такъ какъ они нуждаются въ музыкантѣ и не представляютъ слѣдовательно никакой аналогіи съ такъ-называемой произвольною дѣятельностью живыхъ организмовъ, — а электрическій столбъ съ замкнутымъ токомъ, представляющій очевидную аналогію съ живымъ мозгомъ. Эта аналогія простирается такъ далеко, что ее можно бы назвать полнѣйшимъ тождествомъ, если бы между этими объектами сравненія не существовало огромнаго различія въ видѣ сложности матеріальнаго субстрата и динамическаго проявленія. Мы раньше еще замѣтили, что какъ простотѣ устройства столба соотвѣтствуетъ возникновеніе простой, элементарной силы, т. е. однороднаго, равномѣрно распространяющагося движенія, которое можно сравнить съ простымъ музыкальнымъ тономъ, точно также сложной организаціи мозга соотвѣтствуетъ проявленіе сложной энергіи, т. е. суммы движеній, которыя можно сравнить съ тысячью однородныхъ тоновъ, образующихъ богатую гармонію музыкальнаго концерта, исполняемаго многочисленнымъ оркестромъ.

Но какъ бы ни было велико это различіе, оно касается не сущности, а только степени. Мы можемъ поэтому употребить слѣдующее сравненіе: мозгъ относится къ мысли, какъ электрическій столбъ къ электричеству.

Если упростить конечный выводъ Эггера, мы получимъ слѣдующія положенія. Изученіе электрическаго столба и электричества имѣютъ предметомъ два совершенно различныя, не похожія другъ на друга явленія, съ одной стороны — вещественныя, измѣренныя, съ другой — неизмѣримыя, не вещественныя; первыя изъ нихъ — составляющіе электрическій столбъ кружки, вторыя — электричество. Человѣческій разумъ не знаетъ большаго различія, какъ различіе, основанное на присутствіи протяженности и на отсутствіи ея. Между вещественнымъ и невещественнымъ не можетъ быть переходной ступени, слѣдовательно изъ всѣхъ объясненій электричество самое непримѣнимое объясненіе дѣятельностью столба. Относительно электрическаго столба существуютъ четыре экспериментальныя науки. Изученіе ея частей, т. е. анатомія столба; изученіе ея дѣятельности или функціи, т. е. физіологія столба и динамологія, изученіе электричества, т. е. психологія электрическаго столба или электрологія, и наконецъ синтезъ этихъ послѣднихъ, изученіе совпаденій между упомянутыми явленіями, той гармоніи, которую г. Эггеръ называетъ психофизіологіею и которую, въ нашемъ примѣрѣ, мы должны назвать динамоэлектрологіею. Но не смотря на постоянное и совершенное совпаденіе, существующее между динамологическими и электрологическими явленіями, мы не должны забывать, что между электричествомъ и дѣятельностью электрическаго столба существуетъ пропасть и вышеупомянутый синтезъ невозможенъ, такъ какъ дѣятельность электрическаго столба еще не изслѣдована! Намъ кажется, что г. Эггеру будетъ очень трудно сказать, что такое дѣятельность электрическаго столба, какъ не электричество, и что такое электричество, какъ не дѣятельность этого столба, точно также, какъ намъ трудно сказать, что такое мысль, если не функція мозга, а функція мозга не мысль.

Если это такъ, то не существуетъ двухъ различныхъ, независящихъ другъ отъ друга наукъ, физіологіи и психологіи мозга, а только одна наука, которую мы можемъ назвать психофизіологіею. Вотъ это-то мы и желали доказать.

Милые бездѣльники.

Очерки А. Н. Соковнина.

VI.

Обломки старины.

(Окончаніе.)

— А сестры князя такія же были, какъ и онъ? спросилъ я старуху, когда она кончила свой разсказъ про стараго чудака-барина.

— Да какъ тебѣ сказать, милый ты человѣкъ, проговорила она, вздыхая. — Тоже чудесили, каждая по своему. Извѣстно, богатые люди, что имъ дѣлать, какъ не чудесить! Двѣ ихъ было, барышень то нашихъ; одна, Дарья Михайловна, та такъ въ барышняхъ и осталась, а другая, Анна Михайловна, та за генарала князя Тистрова замужъ вышла да потомъ еще не въ старыхъ лѣтахъ овдовѣла. Сперва-то ничего, барышни, какъ барышни, были, по баламъ это, по театрамъ ихъ вывозили, изъ себя то онѣ очень красивы были, молодежь это богатая за ними увивалась, амуры разные шли, а потомъ уже стали мы примѣчать, что что-то неладное съ ними дѣлается, ровно онѣ съ панталыку сбились или поврежденіе въ нихъ какое случилось...

— Какое же поврежденіе то съ ними случилось? спросилъ я.

— А вотъ я тебѣ сейчасъ, дорогой ты мой, все по порядку доложу, сказала старуха, придвигаясь ко мнѣ. — Надо тебѣ сказать, что старый то нашъ баринъ, отецъ то значитъ князя и княженъ, гордъ очень былъ своимъ это родомъ, званіемъ и богатствомъ, ну и строгъ, ахъ, какъ строгъ, такъ это я тебѣ и представить не могу. Взгляду его всѣ боялись, глазами покажётъ, а ты понимать долженъ, чего онъ хочетъ, коли же онъ заговоритъ, ну такъ ты и молчи и слушай да приговаривай: «Слушаю-съ, ваше сіятельство!» «Будетъ исполнено, ваше сіятельство!» Ну, вельможа, вельможа, одно слово! Дѣтей онъ тоже въ струнѣ держалъ, вывозилъ барышень, къ себѣ гостей принималъ, а на счетъ жениховъ — всѣхъ браковалъ, тотъ недовольно знатенъ, другой недовольно богатъ, все не пара его дочерямъ, точно принцевъ какихъ изъ-за моря для своихъ дочерей въ мужья ждалъ. Ну, а барышни, извѣстно, дѣло молодое, то на того, то на другого заглядывались и, можетъ быть, если бы не папенька, и судьбу свою нашли бы. Дѣвицы то онѣ были на возрастѣ, старшей двадцать четвертый годъ шелъ, это Дарьѣ то Михайловнѣ. Только началъ въ это время въ нашъ домъ наѣзжать одинъ лихой молодчикъ, офицерикъ, знаешь, гвардейскій, завитой такой, черненькій, усики закрученные. Началъ онъ за Дарьей Михайловной ухаживать, разныя услуги ей оказывать, вздыхать это около нея, ну, все какъ слѣдуетъ быть, въ такомъ дѣлѣ. Самъ знаешь, какъ эти дѣла то самыя ваша братья обдѣлываетъ. Не потаю грѣха, знала и я, — при барышняхъ я вѣдь довѣреннымъ человѣкомъ была, — что и цидульки иную пору онъ къ барышнѣ присылалъ, и въ саду это нашемъ съ нею по вечерамъ гуливалъ. Очень ужь наша Дарья Михайловна до него снисходила. Ну, одно слово, дѣло на мази было. Только вотъ разъ видимъ мы, что самый этотъ молодой франтикъ къ старому барину утромъ пріѣхалъ, велѣлъ доложить, прошелъ въ кабинетъ, долго что то говорилъ, а потомъ, глядимъ, идетъ онъ, что ракъ вареный, красный такой и самъ не въ себѣ. Чтобы такое случилось? думаемъ. Послѣ ужь узнали: предложеніе это барину онъ дѣлалъ, то есть руки Дарьи Михайловны просилъ, а баринъ то ему говоритъ: «Вы это подумали-ли, къ кому вы пришли, кто я и кто вы? Покуда я живъ, потуда моя дочь никогда не выйдетъ за васъ, не пара вы ей!» Офицерикъ то ему то да сё, о любви своей доказывать началъ, о томъ, что и Дарья Михайловна его любитъ, а старый баринъ свое: «Не отдамъ! До вашей любви мнѣ дѣла нѣтъ, а дочь моя и любить безъ моего позволенія не смѣетъ. Если бы она сама осмѣлилась мнѣ заикнуться объ этомъ, я ее оборвалъ бы на первомъ же словѣ. О такихъ вещахъ родителямъ не говорятъ дѣти, если уважаютъ ихъ. А если же она вздумала бы выйдти безъ моего согласія, такъ и вамъ въ полку не уцѣлѣть и ей отъ меня никакого содержанія не будетъ». Отпарилъ онъ это франтика нашего и говоритъ: «А затѣмъ прощайте и больше моего дома не знайте!» Ушелъ это женишокъ, вышли всѣ господа въ столовую къ обѣду, старый баринъ ни слова не говоритъ о посѣщеньи, никто ничего не знаетъ, а я, какъ обѣдъ кончился, и забѣжала къ барышнѣ. «Такъ и такъ, запыхавшись говорю, были у папеньки утромъ Александръ Леонидовичъ Храповицкій, — это женишка то Дарьи Михайловны Александромъ Леонидовичемъ Храповицкимъ звали, — и не въ своемъ видѣ отъ него ушли». Барышня — ахъ, ахъ! — всполошилась, молитъ: «сходи, разузнай!» А тутъ сейчасъ ей и письмецо отъ Александра Леонидовича пришло. Прочла она, побѣлѣла, затрепетала да такъ и сѣла въ безчувствіи на диванъ, какъ статуй. Сидитъ, письмо изъ рукъ выпало, отъ самой ни гласу, ни послушанія. Я ее водой спрыснула, спирту понюхать дала, привела въ чувства, спрашиваю: «Ваше сіятельство, что случилось?» — «Отказалъ, говоритъ, отказалъ! Что я буду теперь дѣлать?» А сама въ слезы, въ слезы и плачетъ, и хохочетъ, и руки заламываетъ — истерика, знаешь. «Э, говорю, ваше сіятельство, стоитъ ли такъ убиваться! Найдутся еще при вашей красотѣ и при вашемъ капиталѣ женихи и получше его!» А она вдругъ стихла, опустила это руки и шепчетъ: «На срамъ идти, на позоръ! Никогда!» А сама такъ зубами и скрыпитъ, такъ и скрыпитъ. Тутъ то, родной ты мой, въ самой то этой отчаянности и открыла она мнѣ тайну великую, такую тайну, что я и сама чуть съ ногъ не свалилась... Вѣдь всѣмъ дѣломъ то я орудовала и письма то передавала, и въ саду сторожила, такъ съ меня могли и отвѣтъ спросить за грѣхъ то, за грѣхъ, — а грѣхъ то, милый ты баринъ, былъ — не спрячешь въ орѣхъ: матерью готовилась сдѣлаться барышня.

Послѣднія слова старуха проговорила, сильно

ПАРИЖСКІЙ САЛОНЪ 1879 ГОДА.

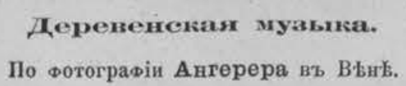
КАРТИНА ГРОЛЛЕРОНА.

Въ отсутствіи господина.

Рѣзано на деревѣ въ «Варшавской политипажнѣ».

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА ДЕФФРЕГЕРА.

Деревенская музыка.

По фотографіи Ангерера въ Вѣнѣ.

понижая голосъ, точно она и теперь боялась, что ее старый баринъ услышитъ. На минуту она смолкла, покачала головой, отерла губы и снова, придвинувшись ко мнѣ, продолжала разсказъ:

— Что тутъ дѣлать, какъ быть? Ну, ужь поломали мы головы, ночей не спали, глазъ не осушали! Я было бѣжать барышнѣ совѣтовала, чтобы тайно это повѣнчаться съ Александромъ Леонидовичемъ—между господами это часто бывало, даже и за удовольствіе считалось,—а она: «Что ты говоришь! Струсилъ онъ и самъ отъ меня теперь откажывается! Всѣ они трусы, негодяи и обманщики! Ненавистны они мнѣ! Мнѣ бы только это время пережить, позоръ свой скрыть!» И больше-то всего ее мучило, что станутъ о ней говорить, какъ станутъ на нее пальцемъ указывать люди, если узнаютъ. Ужь очень она людскихъ-то толковъ боялась. И то сказать, во-первыхъ, не нашего сословія была, а, во-вторыхъ, горда была, вся въ папеньку да въ братца. Она и съ Александромъ-то Леонидовичемъ ради гордости своей сошлась, потому что онъ все ей потрафлялъ, все лебезилъ передъ нею, все богиней да царицей ее величалъ, точно змій-искуситель вокругъ обвивался. Извѣстное дѣло, наша сестра, баба, всегда какъ рыба на одного и того же червяка идетъ и чѣмъ у нея самой этой гордыни больше, тѣмъ легче ее провести хитрому человѣку: всѣмъ-то улещиваніямъ, всѣмъ-то его похваламъ она вѣритъ. Онъ, дескать, и впрямь понялъ и оцѣнилъ меня. А какой оцѣнилъ: ему только бы своего добиться!

— Ну, что же и скрыли грѣхъ? спросилъ я, прерывая философскія размышленія старухи.

— Скрыли, милый мой баринъ, скрыли! отвѣтила она. — Палаты-то у насъ были большія, денегъ много, доктора подкупили, сперва шнуровались, потомъ больной объявились, ну и скрыли. Можетъ папенька, баринъ-то нашъ старый, и примѣтилъ, и смекнулъ что, да видъ показывалъ, что ничего не знаетъ, изъ гордости все. У насъ ужь это всегда такъ бывало: понесетъ кто-нибудь изъ господъ афронтъ какой-нибудь и никто не смѣй объ этомъ ни слова, точно ничего и не было. Только когда это наша Дарья Михайловна поправилась, стали мы въ ней примѣчать перемѣну. Горда она была и до той поры, а тутъ—и рукой не достанешь, словно выросла, словно выше всѣхъ стала. Сурова стала, неприступна; со мной даже перемѣнилась; ровно царица какая, повелительна стала. И съ чего это у нея такая гордость проявилась, сказать тебѣ не могу. Этакими дѣлами тоже, кажись, нашей сестрѣ гордиться нечего и величаться тутъ нечѣмъ, а она вотъ, на-поди, возвеличилась. И странное дѣло, милый ты мой человѣкъ, сталъ ее и старый нашъ баринъ съ этого времени словно больше любить да уважать. Сама своими ушами я слышала, какъ онъ говаривалъ: «Дарья вся въ меня, осининскаго рода!» И когда теперь о женихахъ заговаривали, старый баринъ всегда говорилъ: «Ну, Дарья ни за кого не выйдетъ, пары ей нѣтъ!» И точно, не было ей пары: всѣхъ-то мужчинъ она обрывала да высмѣивала да такъ это зло, такъ это ехидно, что господа то посторонніе говорили: «Ишь въ дѣвкахъ засидѣлась, такъ и злится!» Да, ужь могу сказать, что зла стала, очень зла. Всѣ-то люди отъ нея другого и названія не имѣли, какъ «людишки», да «дрянь», да «мелкота», да «продажныя душонки». Стала она, кромѣ того, къ церкви, къ монахамъ пристрастна. Начала одѣваться вся въ черное: черный бархатъ, черныя кружева, серьги бриліантовыя надѣнетъ и идетъ — царица, какъ есть царица! Богоугодныя дѣла тоже стала дѣлать да не просто дастъ бѣдному человѣку денегъ, а сперва шпыняетъ, шпыняетъ его и «дармоѣдъ»-то онъ, и «лежебокъ»-то онъ, и «глупецъ»-то онъ, — ну, а потомъ и поможетъ, работу ему какую-нибудь придумаетъ тяжелую, въ домъ къ нему заглянетъ, какъ онъ живетъ, все по своему переверпетъ, точно вотъ эти самые-то бѣдняки ея крѣпостные люди были. Только одинъ архимандритъ Іона надъ ней власть и забралъ, ему одному только и покорялась, а съ другими — да другіе передъ ней и пикнуть не смѣли. Іона только ее и обуздывалъ, послѣ смерти папеньки подлѣ монастыря и дворецъ она себѣ построила и каждый день въ монастырь къ обѣднямъ да къ вечернямъ ходила и кресло у нея тамъ было свое, и ковры, и подушки, чтобы, значитъ, молиться удобнѣе было. Затѣйники, прости ты, Господи, эти господа-то: Бога умолить хотятъ, только чтобы безъ утружденія себя, а съ вальготой. «Горда ты, горда, Дарья Михайловна», говаривалъ ей съ укоромъ Іона.—«Ну да, горда, горда!» таково-то строптиво отвѣчала она, а онъ ей въ отвѣтъ: «А гордость-то грѣхъ великій, вотъ что я тебѣ скажу! А ты вотъ приди-ка завтра въ монастырь пораньше да вымой въ моей церкви домашней полъ у алтаря, чтобы этой гордости-то самой въ себѣ поубавить!»

— Ну, и что же? спросилъ я.

— И мыла, батюшка, мыла полы въ его церкви, отвѣчала старуха.—Да онъ еще, бывало, на нее покрикиваетъ да ругаетъ ее совсѣмъ ужь не по пастырски. Власть, значитъ, надъ ней забралъ, душу ея въ своихъ рукахъ держалъ. Потомъ какъ умирала, такъ всѣ свои богатства на монастырь и завѣщала, большія богатства были.

— А куда же ребенка-то ея вы дѣвали? спросилъ я.

— Извѣстно, батюшка, куда такихъ-то дѣтей дѣвать! Въ воспитательный домъ отдали; гдѣ-нибудь теперь въ крестьянахъ живетъ; а то, можетъ, и умеръ; много ихъ тамъ умираетъ-то.

Мы помолчали; мнѣ стало и тяжело и грустно.

———

— Ну, а Анна Михайловна? спросилъ я, спустя нѣсколько минутъ.

— Анна Михайловна, какъ я тебѣ докладывала, замужъ вышла за генерала князя Тистрова, отвѣтила старуха, — извѣстный человѣкъ былъ, всѣ ордена имѣлъ, всѣ чины произошелъ, только перестарокъ онъ былъ и когда Анна Михайловна за него замужъ шла, всѣ говорили, что онъ ей въ дѣды годится. Ну, за то и въ чинахъ, и въ орденахъ, и въ почетѣ былъ. Оно конечно нашей сестрѣ въ молодости все молодого мужа имѣть хочется, чтобы въ красотѣ да въ силѣ былъ, а тоже родительской волѣ прекословить не станешь. Велятъ идти замужъ и пойдешь. Только съ первыхъ же дней стали мы примѣчать, что наша голубушка Анна Михайловна и пожелтѣла, и осунулась, и лицо морщинками пошло, точно къ ней отъ стараго мужа старость прилипать стала. Держалъ онъ ее въ холѣ, ни въ чемъ отказу ей не было, на одной половинѣ съ ней жилъ, все около ея юбки вертѣлся, да что за радость-то въ томъ, что ей ручки цаловалъ да въ глаза смотрѣлъ. Видимо намъ всѣмъ было, какъ она сохла да чахла. «Чего ты кислая такая ходишь?» спрашивала ее съ презрительностью старшая сестра.— «Противенъ онъ мнѣ!» отвѣтитъ, бывало, Анна Михайловна. — «Онъ тебя любитъ!» строго замѣчала ей старшая сестра.—«Что мнѣ въ той любви? И любовь мнѣ его противна!» вздохнетъ Анна Михайловна. И вяла она, вяла такъ-то цѣлыхъ восемь лѣтъ, а когда умеръ ея старикашка, то и молодость, и красота, и все пропало. Заперлась она у себя въ домѣ, стала заводить собаченокъ да кошекъ и ровно подурѣла... Ты, родной мой, изъ питерскихъ родомъ? вдругъ спросила меня старушка, круто прерывая нить своего разсказа.

— Да, въ Петербургѣ и родился и живу постоянно, отвѣтилъ я.

— Ну, такъ ужь ты, вѣрно, о нашей Аннѣ Михайловнѣ слышалъ, а то такъ и видалъ ее, сказала старушка.—О ней, о чудачествахъ-то ея много люди по городу-то звонили, пальцами на нее указывали, когда она по улицѣ ходила. Ее по одеждѣ по одной узнать можно было. Стала она бѣлиться да румяниться да волосы себѣ и брови черной краской красить; понашила себѣ красныхъ да желтыхъ платьевъ такихъ, какихъ и на святкахъ ряженые не надѣнутъ, и стала такой шутихой ходить. Порядочныхъ знакомыхъ отвадила отъ своего дома своими собаками да кошками. Ихъ у нея штукъ по десяти всегда было, всѣ въ пелеринахъ да въ чепчикахъ одѣты были, за однимъ столомъ съ нею обѣдали, салфетки имъ человѣкъ подъ морды подвязывалъ, лекаря ѣздили во время ихъ болѣзни, постели у нихъ, какъ у дѣтей, понадѣланы были,—ну, одно слово, рехнувшаяся въ умѣ была. Хоромы занимала большія, а безпорядокъ да грязь такіе были, что и заглянуть-то къ ней мерзко было, не то точно лавочка стараго хлама здѣсь была, не то на псарню похоже было. Да этого мало, иногда это взбредетъ ей на умъ что-нибудь такое несуразное и сейчасъ она эту штуку выкинетъ. Вотъ я тебѣ для примѣру одну штуку разскажу. Задумала это она разъ въ окно вылетѣть, приказала подушекъ и перинъ на улицу натащить — и выскочила изъ окна. Объ этомъ всѣ долго толковали, хотѣли ее въ сумасшедшій домъ засадить да покойный Василій Михайловичъ, братъ ея, нашъ-то баринъ, отстоялъ ее тогда. «Съ чего это, говоритъ, вздумали, что сестра сумасшедшая. Я, говоритъ, думаю даже, что совсѣмъ напротивъ. Очень умно сдѣлала, что выскочила въ окно, если захотѣлось выскочить! Вотъ если бы она обокрала кого или по міру пустила, ну тогда другое дѣло, тогда слѣдовало бы ее на цѣпь посадить, а тутъ еще бѣды нѣтъ никакой!» Такъ это, знаешь, онъ все въ смѣшки да въ шутку повернулъ и отстоялъ ее тогда. Да одно-ли это она дѣлала! Всего и не перечтешь! Извѣстно, живетъ одна съ собаченками да съ кошками, ничего не дѣлаетъ, денегъ много, ну все такое глупое и лѣзетъ въ голову. Только, милый ты человѣкъ, стали и другіе слухи ходить. Былъ это у Анны Михайловны въ дворнѣ мальчикъ Гришка, лѣтъ восемнадцати мальчишка былъ, шустрый такой, красивый, кровь съ молокомъ, рослый, парикмахтерскому рукомеслу обучался въ дѣтствѣ въ Питерѣ. Самый этотъ Гришка взятъ былъ для того въ домъ, чтобы букли завивать барынѣ да волосы чернить. Вотъ только начали примѣчать всѣ, что у Гришки деньженки завелись, запонки да часы золотые, сталъ онъ ѣздить на лихачахъ да у Марцинкевича деньгами сорить. Чтобы это такое? думаемъ. Откуда мальчишка деньги беретъ? Прошло еще немного времени, глядимъ, для Гришки квартеру въ домѣ Анны Михайловны отдѣлываютъ: въ управители, видишь-ли, произвела его. Дальше да больше, больше да дальше,—появились у Гришки и лошадь, и экипажъ свой и въ Григорія Владиміровичи произошелъ Гришка. Смекнули мы кое что, покалякали между собою, однако молчимъ, не наше дѣло—господское. Странно намъ стало только, что стала меньше чудить Анна Михайловна, стала платья новыя, обнаковенныя, какъ всѣ носятъ, шить, собакъ да кошекъ раздавать начала. Что за диво? Или и впрямь въ свой умъ приходить стала? Можетъ оно и точно такъ было, только одно насъ въ сумленіе приводило: стали замѣчать люди, что Анна Михайловна иногда выходитъ въ залъ сама не въ себѣ,—глаза отъ слезъ красны, щеки всѣ въ пятнахъ, ровно это краска-то на нихъ чѣмъ посмыта, слезами тоже должно быть,—народъ-то, знаешь, бездѣльникъ, праздный, ну и судачитъ и шпіонничаетъ отъ бездѣлья,—и слышитъ, что Гришка-то кричитъ, кричитъ на Анну Михайловну, а она, голубушка, рѣкой разливается. «Вы, говоритъ онъ, вы меня погубили, а теперь не со-

глашаетесь...» Господи, и ушамъ-то люди не вѣрили, чего онъ требовалъ: не малаго, не многаго, чтобы она за него замужъ вышла! «Припишите, говоритъ, меня въ купцы и выходите замужъ, тогда я законный наслѣдникъ вашъ буду, а то что вы мнѣ гроши суете, что я изъ нихъ сдѣлаю! Даромъ-то васъ теперь любить никто не станетъ, это я только, дуракъ, по своему мягкому сердцу васъ, какъ мать, полюбилъ». Онъ кричитъ, а она плачетъ, руки его цѣлуетъ, обѣщаетъ все сдѣлать. Ну, передали это все намъ люди, поговорили мы съ Иваномъ Тарасовичемъ, какъ быть, и рѣшили доложить Василію Михайловичу, нашему-то барину. Вскипѣлъ онъ, вспылилъ, полетѣлъ къ сестрицѣ. Что онъ съ ней тамъ говорилъ—не знаю, только выбѣжалъ онъ отъ нея и велѣлъ позвать Гришку. Явился тотъ. Василій Михайловичъ такъ и бросился на него съ кулаками, а тотъ не промахъ: «Потише, говоритъ, ваше сіятельство! Я не крѣпостной! И тоже что за пріятность, если сдачи вамъ дамъ!» Князь нашъ такъ и застылъ на мѣстѣ: видитъ дѣтина ражій, въ полной силѣ, ну тоже что за пріятность князю отъ хама, прости Господи, оскорбленіе понести. «Ты, говоритъ князь, такой сякой, что задумалъ? Въ родню къ намъ хочешь? Да я тебя сошлю, куда Макаръ телятъ не гонялъ, куда воронъ костей не заносилъ». «Ни въ чемъ въ этомъ, отвѣчаетъ Гришка, я не причиненъ, а если моя барыня предлагала мнѣ жениться, такъ я готовъ служить. А только вы, ваше сіятельство, напрасно меня стращаете, потому я и самъ готовъ уйдти. Не находка мнѣ тоже здѣсь жить!» Покричали, покричали и рѣшилъ князь, чтобы Гришки и духомъ не пахло, а что если онъ сейчасъ же не выѣдетъ, то его силой вышлютъ изъ Петербурга. Пристращалъ это его князь и уѣхалъ, а Гришка, нахалъ, ему на прощанье и говоритъ: «Смотрите, ваше сіятельство, какъ бы послѣ каяться не пришлось!» Крикнулъ князь на него да крѣпкимъ словомъ выругался. Мастера у насъ на это господа были, и старый баринъ, и молодой. Ну вотъ и пошелъ Гришка прощаться съ барыней Анной Михайловной, долго прощался, потомъ ушелъ и говоритъ прислугѣ: «Подите, уложите барыню!» Ну пришла къ ней въ спальню горничная, видитъ барыня въ постелѣ лежитъ, ровно убитая, почти въ безчувствіи и плачетъ такъ-то жалостно, жалостно плачетъ. Поправила горничная подушки, покрывало, лампадку, потушила свѣчи и вышла, а на утро... Долго не слыхали по утру звонка въ комнатѣ барыни, и двѣнадцать пробило, и часъ пробило, а барыня все не встаетъ. Пріѣхалъ нашъ князь узнать, уѣхалъ-ли Гришка; говорятъ ему, что на зарѣ уѣхалъ, а что барыня еще почиваетъ, поздно съ вечера съ Гришкой прощалась. Велѣлъ баринъ ее разбудить, пошла горничная къ ней въ спальню, отворила дверь да какъ крикнетъ. Сбѣжались всѣ на крикъ, глядятъ, стоитъ барыня въ уголкѣ въ одной сорочкѣ, головка на грудь свѣсилась, язычекъ высунутъ, глазки на выкатѣ: на гвоздикѣ повѣсилась голубушка наша, сняла картину и повѣсилась. Махнулъ князь рукою и вышелъ. Долго потомъ въ омраченіи находился, Ивану-то Тарасовичу моему все говорилъ: «Стоило бы за это у меня всѣ часы отнять да запретить мнѣ именнымъ указомъ часовымъ мастерствомъ заниматься».—«Для чего это, ваше сіятельство?» спросилъ мой упокойничекъ.—«А для того, чтобы повѣсился!» отвѣтилъ князь...

Опять прервала на минуту моя собесѣдница свой разсказъ и задумалась.

— Да, родной ты мой, вотъ какіе господа у насъ были... Да не они одни, много ихъ въ прежнее время такихъ-то чудодѣевъ куролесило! Теперь-то только они въ оскудѣніе приходить начали, а прежде—выдумывать станешь, такъ и то не выдумаешь того, что они творили. И то сказать, и время досужее, и деньги большія были...

Дослушавъ разсказы старухи, я спросилъ ее, что сталось съ Гришей.

— Съ Григоріемъ Владиміровичемъ-то? переспросила она.—До него, милый ты человѣкъ, рукой теперь не достанешь: и въ чинахъ, и въ орденахъ и въ почетѣ. Про Долгина-то откупщика слышалъ?

— Слышалъ, отвѣтилъ я.

— Еще бы, не сотнями тысячъ, а милліонами ворочаетъ, сказала старуха, вздыхая.

— Ну, такъ чтоже? въ недоумѣніи спросилъ я.

— Ну, такъ вотъ онъ-то самый и есть нашъ Гришка! Извѣстно, проженный человѣкъ, барскія денежки въ оборотъ пустилъ, ничѣмъ не брезгалъ, а теперь и живетъ припѣваючи... Господа-то проживать умѣли, а эти-то наживать учились,—ну и наживаются.

Иза.

Романъ **А. Бувье.**

(*Продолженіе.*)

Глава VIII.

Лжесвидѣтель.

Мы должны вернуться къ утру того дня, когда Иза, выходя изъ купе на площади противъ зданія суда, увидѣла Сесиль, которая съ трудомъ сходила со ступенекъ, опираясь на Амели и на Люи Пальяра. Спокойная и ясная наружность Сесиль, блескъ ея большихъ темно-голубыхъ глазъ, матовая блѣдность лица, обрамленнаго великолѣпными, черными волосами, заставили Изу невольно воскликнуть:

— О, какая она красавица!

Шади стремительно сбѣжалъ внизъ. Онъ торопился кликнуть карету, а также предупредить Тюссо и его жену, которые, испугавшись поступка дочери, не осмѣлились явиться въ судъ и съ безпокойствомъ ожидали результата въ кафе-ресторанѣ напротивъ зданія суда. Сильно разстроенные поступкомъ дочери, они даже не позавтракали утромъ. Тюссо однакожь старался утѣшить жену.

— Докторъ сказалъ, что нѣтъ никакой опасности, такъ нечего хныкать, говорилъ онъ.—Чего намъ бояться, если ей сдѣлается дурно; съ нею друзья и тебя сейчасъ предупредятъ. Конечно я не хвалю ее за ея вмѣшательство, не потому впрочемъ, что дѣло идетъ о Морисѣ, я всегда любилъ этого славнаго малаго, но я сознаю, что, дѣлая добро другому, она рискуетъ нанести вредъ самой себѣ. Наконецъ докторъ сказалъ: если вы помѣшаете ей дѣйствовать, этимъ вы можете повредить болѣе, чѣмъ позволеніемъ ей дѣлать, какъ она хочетъ.

— Я не жалуюсь. Она поступаетъ, какъ ей велитъ долгъ... Но мнѣ страшно!

И Адель заплакала,

— Ахъ! довольно. Уже достаточно непріятно и то, что приходится измѣнять своимъ привычкамъ, а ты еще надоѣдаешь своимъ хныканьемъ. Я знаю, что Сесиль не подвергается никакой опасности, такъ чего-же еще?..

Они усѣлись за столъ. Къ нимъ подошелъ слуга съ вопросомъ, чего они желаютъ.

— Мы еще не завтракали и мнѣ хочется ѣсть, сказалъ Клодъ, обращаясь къ женѣ;—велимъ подать чего-нибудь, за ѣдой и не замѣтимъ, какъ пролетитъ время.

Адель ничего не отвѣчала. Подали завтракъ. Тюссо, желавшій казаться болѣе твердымъ, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ, едва прикоснулся къ кушанью.

— А, ты нарочно не ѣшь, чтобы и я не ѣлъ, сказалъ онъ женѣ. Она разрыдалась; ея слезы заразительно подѣйствовали на него и онъ разрюмился.

— Мнѣ также грустно, какъ и тебѣ, сказалъ онъ;—еще грустнѣе становится, когда я посмотрю на тебя. Право, мы умремъ съ голода... Неужели ты думаешь, что я безпокоюсь менѣе твоего?

Адель силилась улыбнуться, она отерла глаза, взяла вилку; но и мужъ и жена обманывали другъ друга, имъ не хотѣлось ѣсть. Они оба страдали и хотѣли скрыть другъ отъ друга. Адель думала о томъ, достанетъ-ли силы у ея дочери дойти до конца и не могутъ-ли ея показанія, которыя должны погубить ея мужа, причинить и ей непріятности.

— Полно, Адель, сказалъ Клодъ,—скоро кончатся всѣ наши испытанія, это уже послѣднее.

Дверь отворилась и вошелъ Шади; встревоженные супруги вскочили, вытянувъ руки:

— Наша взяла! закричалъ Шади, сильно взволнованный, не обращая вниманія на постороннихъ лицъ, находящихся въ залѣ.

— Сесиль? спросила Адель.

— Великолѣпна, г-жа Тюссо, у нея была минута слабости, но это послужило намъ въ пользу; теперь она чувствуетъ себя отлично. А вотъ и она.

— Скорѣй, скорѣй поѣдемте, сказала г-жа Тюссо.

— Ахъ! нѣтъ, возразилъ Шади, вы знаете мы голодны, въ особенности г-жа Сесиль; по предписанію доктора ей слѣдуетъ дать бульону и устрицъ.

Сесиль вошла; Адель бросилась къ ней; увидя улыбающуюся дочь, она и сама просіяла.

— Ты видишь, сказалъ обрадованный Тюссо.—Что я говорилъ? У нея моя кровь: чѣмъ болѣе увеличивается опасность, тѣмъ она становится сильнѣе... Возьмемъ отдѣльный кабинетъ и когда будемъ одни, вы все намъ разскажете.

Г-жа Тюссо вопросительно смотрѣла на дочь; ей хотѣлось узнать, что произошло въ судѣ; хотя она была нѣсколько успокоена улыбкою дочери, но не смѣла еще надѣяться, что все наконецъ окончилось хорошо. За то Клодъ совсѣмъ повеселѣлъ.

Кромѣ Шади и Тюссо голодъ не мучилъ никого; завтракъ въ отдѣльномъ кабинетѣ былъ только предлогомъ, чтобы расположиться по семейному. Когда всѣ усѣлись по своимъ мѣстамъ, Амели разсказала обо всемъ подробно. Сомнѣнія не могло быть болѣе. Морисъ былъ спасенъ. Самому Тюссо не было раньше извѣстно, въ чемъ заключалось показаніе Сесиль. Можно судить, какъ былъ онъ пораженъ. Казалось глаза его готовы были выскочить изъ своихъ орбитъ, его взоръ перебѣгалъ отъ одного къ другому и изъ его вытянутыхъ толстыхъ губъ вылетали только слѣдующія слова:

— Неужели это правда? Такъ это правда? Вы не выдумали?

— Конечно, правда, отвѣчали ему, улыбаясь.

— Ты никогда не была женою твоего мужа?

— Никогда!

— О!

Одну минуту казалось, что въ его мозгу готова была зародиться рѣчь объ оскорбленіи нравственности и о невѣроятномъ поступкѣ его дочери; но онъ замѣтилъ, что окружающіе такъ мало могли сочувствовать тому, что онъ приготовлялся говорить, что онъ круто измѣнилъ свое намѣреніе. Въ сущности все было къ лучшему, такъ какъ онъ презиралъ Гудара, котораго считалъ негодяемъ. Андре въ дѣйствительности не былъ его зятемъ! Его дочь своимъ необыкновеннымъ инстинктомъ угадала бандита въ человѣкѣ; съ которымъ хотѣли соединить ее и оттолкнула его. Морисъ славный малый; съ тѣмъ же тактомъ она угадала его прямую натуру и не смот-

ря ни на что, безъ всякаго скандала, такъ что даже никто и не подозрѣвалъ,—онъ самъ могъ служить этому доказательствомъ,—она отдала свое сердце ему, который этого вполнѣ заслуживалъ. О, милое дитя! какой характеръ!

— Здѣсь видна сила! Смѣлость! сказалъ Тюссо.—Какая натура, какой характеръ скрывается подъ этою мягкою наружностью! Я узнаю въ ней самого себя, это моя кровь!

Почтенный буржуа, восхищаясь силою характера своей дочери, былъ правъ. Требовалась далеко не заурядная сила воли, чтобы вынести то, что вынесла Сесиль. Если бы французскій законъ дозволялъ разводъ, она могла бы разойтись съ ненавистнымъ ей мужемъ и вернуться вполнѣ чистою къ тому, кого она избрала. Но французскій законъ не даетъ такого выхода. И если два существа не питаютъ одинъ къ другому ничего, кромѣ ненависти; если судьба связываетъ женщину съ мужемъ преступникомъ, котораго отнимаетъ у нея тюрьма; если по несчастью мужчина имѣетъ недостойную жену, которая оскверняетъ домашній очагъ и безчеститъ его имя, то въ обоихъ случаяхъ они могутъ пользоваться только законнымъ прекращеніемъ сожительства. Каждый изъ нихъ конечно можетъ найти новый предметъ привязанности, устроить себѣ новую семью, но въ этомъ случаѣ связь будетъ считаться незаконною, а дѣти, рожденныя въ такомъ сожительствѣ, будутъ существами безправными. Случается, напримѣръ, что сожительство прекращается между здоровою сильною женщиною лѣтъ двадцати пяти или тридцати и мужчиною, который за преступленіе, въ которомъ она неповинна, посаженъ въ острогъ? Она совершитъ проступокъ, если въ своемъ одиночествѣ не устоитъ противъ своихъ чувствъ и общество затворитъ ей двери. Общество обвинитъ и мужчину, законная жена котораго развратничаетъ, если онъ явно заведетъ себѣ любовницу. Тутъ кстати припомнить слѣдующій анекдотъ. Одного очень недурнаго человѣка привлекли въ судъ по обвиненію въ развратной жизни. Президентъ упрекнулъ его въ томъ, что онъ бросилъ свою недостойную жену.

— Я предпочелъ лучше имѣть любовницу, чѣмъ самому быть рогоносцемъ, отвѣчалъ юнъ.

Вернемся къ семейству Тюссо. Послѣ завтрака они тотчасъ уѣхали.

— Сударь, тутъ дожидается одинъ господинъ, который называетъ себя защитникомъ г. Ферана; онъ желаетъ говорить съ г-жей Сесиль, сказала служанка Тюссо, когда онъ вошелъ къ себѣ домой.

Адель, опасаясь, что Сесиль очень утомлена событіями дня и не въ состояніи принять адвоката, просила мужа сообщить ему объ этомъ, но молодая женщина объявила, что она совершенно здорова, чувствуетъ въ себѣ достаточно силы и желаетъ тотчасъ же переговорить съ адвокатомъ. Съ нѣкотораго времени въ домѣ Тюссо всѣ привыкли покоряться желаніямъ Сесиль. Нѣсколько минутъ спустя Сесиль осталась наединѣ съ защитникомъ Ферана въ конторѣ Тюссо.

На вопросъ адвоката, она разсказала ему со всѣми мельчайшими подробностями тѣ событія, которыя уже извѣстны читателю. Когда же зашла рѣчь о письмѣ, она объявила, что она писала его, а когда адвокатъ далъ ей копію съ него, она, прочитавъ ее, съ изумленіемъ воскликнула:

— О! Боже мой! кто могъ сдѣлать такую низость?

— Слѣдовательно, письмо искажено не случайно?

— Вы сейчасъ можете судить объ этомъ.

Усѣвшись за контору своего отца, она взяла перо и возстановила письмо въ его первоначальномъ видѣ.

— Это письмо могло послужить ему оправданіемъ, сказалъ адвокатъ.—Я не сомнѣваюсь теперь, что порча письма вовсе не дѣло случая.

— Кромѣ моего... г. Гудара... я не знаю никого, кто бы могъ имѣть для себя выгоду въ гибели Мориса, сказала Сесиль.

— Очевидно, существуетъ дѣйствительный преступникъ. Теперь вы можете быть увѣрены, что Мориса Ферана освободятъ, благодаря вамъ.

— Благодаря мнѣ! но развѣ не изъ-за меня и не ради меня добрый другъ мой страдалъ такъ долго! Скоро-ли его освободятъ?

— Есть еще одинъ фактъ противъ него.

— Что такое? Вы знаете какъ онъ проводилъ время въ ночь 20 іюня; это страшное письмо я исправила; относительно шампанскаго, я вамъ говорила, что хотя оно изъ того же торговаго дома, какъ и то, которымъ отравлена несчастная, но только другой марки. На ярлыкѣ того вина, что мы пили, написано: Grand-Royal, Pactole, de Launay, Reims. На томъ же ярлыкѣ, что показывали мнѣ въ судѣ, обозначено: Grand-Royal de Launay à Reims. И такъ, вы видите, что теперь не существуетъ ни одного факта, на которомъ было основано обвиненіе.

— Нѣтъ, еще остается одинъ пунктъ, требующій разслѣдованія, хотя Морисъ съ большой энергіей отрицаетъ вѣрность его.

— Что же это такое?

— Показаніе одного священника, заявившаго, что онъ узналъ Мориса Ферана, котораго встрѣчалъ у жертвы.

— У Леи Медамъ... Что же онъ предполагаетъ?

— Что Феранъ былъ любовникомъ этой женщины.

Сесиль пожала плечами и сказала съ презрительной усмѣшкой:

— И священникъ говоритъ это! Морисъ никого не любитъ, кромѣ меня. Этотъ священникъ клевещетъ. Что же отвѣчалъ Морисъ?

Адвокатъ разсказалъ о грубой брани своего кліента и произведенномъ имъ скандалѣ. Онъ разсказалъ, съ какою яростью Морисъ опровергалъ свидѣтеля и Сесиль была счастлива.

— О, будьте увѣрены: этотъ человѣкъ солгалъ, сказала она.

— Но его званіе даетъ большой вѣсъ его показанію.

— Вы сказали мнѣ, замѣтила молодая женщина,—что настоящіе виновники заинтересованы въ гибели Мориса; очевидно, къ нимъ принадлежатъ и тотъ, кто такъ низко исказилъ мое письмо, и тотъ, кто далъ на судѣ лживое показаніе...

— Ваше предположеніе кажется мнѣ слишкомъ смѣлымъ, но принявъ во вниманіе энергичное отрицаніе Мориса, я склоненъ считать показаніе патера подозрительнымъ.

— А почемъ вы знаете, быть можетъ, этотъ священникъ обязался спасти настоящаго виновника и не пренебрегаетъ никакимъ средствомъ, чтобы оказать ему обѣщанную услугу.

— Спасти виновнаго и осудить невиннаго, это ужь совсѣмъ не по христіански.

— Далеко не всѣ патеры дѣйствуютъ, сообразуясь съ предписаніями религіи.

— Конечно вы правы, сударыня. Если можете, то наведите справки объ этомъ человѣкѣ: я же съ моей стороны постараюсь ускорить ожидаемый результатъ.

Адвокатъ вышелъ, а Сесиль вернулась къ своей озабоченной семьѣ.

— Мнѣ нужно поговорить съ вами, сказала она, обращаясь къ Шади.

Она передала ему свой разговоръ съ адвокатомъ Мориса и просила его разузнать о священникѣ, давшемъ показаніе противъ Мориса.

Въ газетахъ уже былъ напечатанъ отчетъ о вчерашнемъ засѣданіи суда. Пальяръ взялъ «Gazette des Tribunaux» и прочиталъ вслухъ показаніе абата Дютилейля. Сесиль и Амели въ одинъ голосъ вскричали, что показаніе абата ложно; одна имѣла полное довѣріе къ любимому ею человѣку; другой были извѣстны всѣ подробности жизни ея брата. Первая хотѣла, чтобы Шади тотчасъ же отправился по адресу, указанному при допросѣ, чтобы навести справки о директорѣ-основателѣ «Пріюта нравственнаго исправленія юныхъ грѣшниковъ»; но Пальяръ предложилъ лучше посовѣтоваться прежде съ агентомъ Гюре, который еще наканунѣ увѣрялъ его, что напалъ на слѣдъ настоящаго виновнаго. Агентъ Гюре привыкъ къ розыскамъ подобнаго рода; онъ научитъ, какъ ловче приняться за это дѣло.

Несмотря на колебанія Сесиль, которой хотѣлось, чтобы дѣйствовали какъ можно скорѣе, всѣ остановились на мысли, поданной Пальяромъ и Шади тотчасъ отправился пригласить агента придти сегодня же обѣдать къ Тюссо. Мы знаемъ, что въ это время Гюре былъ очень занятъ, и Шади вернулся, не заставъ его дома. Сесиль очень огорчилась и сказала, что если бы ее послушали, то теперь уже имѣли бы кое-какія свѣдѣнія. Было уже слишкомъ поздно, чтобы предпринять что-либо въ этотъ день и съ общаго согласія все было отложено до завтра. Шади и Пальяръ согласились встрѣтиться рано утромъ у агента Гюре.

Адель наблюдала за своею дочерью и съ радостью убѣдилась, что выказываемая ею энергія ускоряла ея выздоровленіе: силы возвращались къ ней быстро и цвѣтъ лица ея становился ярче. Вечеръ прошелъ весело; всѣхъ ободряла увѣренность, что Морисъ будетъ скоро освобожденъ и избавленъ отъ ужаснаго обвиненія, тяготѣвшаго надъ нимъ. Амели часто посматривала на Пальяра долгимъ и нѣжнымъ взглядомъ, исполненнымъ признательности за участіе, которое онъ принималъ въ судьбѣ ея брата.

На слѣдующій день, съ разсвѣтомъ, Шади и Пальяръ акуратно явились на назначенное ими наканунѣ свиданіе у Гюре, который уже всталъ и собирался выйдти изъ дому,—потому что агента безпокоила возможность противодѣйствія со стороны Оскара де-Вершемона. Онъ, который такъ безумно компрометировалъ себя для Изы, пожертвовалъ для нея и своимъ офиціальнымъ положеніемъ и своимъ состояніемъ,—онъ не отступится безъ борьбы отъ своего идола. Необходимо было наблюдать за нимъ. Гюре не сказалъ ни слова молодымъ людямъ о томъ, что онъ дѣлалъ наканунѣ и что онъ нашелъ положительныя доказательства. Прежде, чѣмъ они объяснили ему причину своего посѣщенія, онъ попросилъ у нихъ позволенія прочитать въ принесенныхъ ими газетахъ отчетъ обоихъ засѣданій. Совершенно удовлетворенный послѣ этого чтенія и въ особенности совершенно убѣжденный въ невинности Мориса, Гюре однакожь замѣтилъ черную точку.

— Какъ уничтожить показаніе этого священника! сказалъ онъ.

— По поводу этого показанія мы и пришли посовѣтоваться съ вами, отвѣчалъ Пальяръ и передалъ ему разговоръ защитника Мориса Ферана съ Сесиль.

— Что дѣлать? спросилъ Пальяръ.

— Мы это сейчасъ увидимъ. Пока я кончу одѣваться, Шади пусть сходитъ за каретой; надо, чтобы насъ не видали. Сначала мы поѣдемъ въ префектуру, а оттуда далѣе, смотря по обстоятельствамъ.

Шади быстро исполнилъ порученіе. Чрезъ нѣсколько минутъ карета остановилась у префектуры. Гюре вышелъ изъ экипажа и отправился въ канцелярію, чтобы собрать свѣдѣнія объ арестѣ, произведенномъ наканунѣ. Иза, которую сначала посадили въ общую арестантскую, около полуночи была переведена въ особенную комнату. Гюре нахмурилъ брови; онъ спросилъ, по

ИЗЪ МІРА ПРИРОДЫ.

Лурейскій гротъ въ Виргиніи.

чьему приказанію было оказано ей такое снисхожденіе; онъ ожидалъ что ему назовутъ фамилію молодого слѣдователя; но ему сказали, что это было сдѣлано по приказанію предсѣдателя суда Матье дю-Тальи; это приказаніе мотивировалось тѣмъ, что арестованная должна содержаться въ большемъ секретѣ. Онъ узналъ, что оставшись одна въ комнатѣ, вдова Иза Сегленъ попросила позволенія писать и что, съ разрѣшенія того же предсѣдателя, она написала коротенькую записку, которую одинъ изъ агентовъ отнесъ въ прусское посольство. Узнавъ все это, агентъ нахмурилъ брови и слегка прищелкнулъ, что можно было растолковать такъ: «Все это не ясно! Должно быть дѣйствуютъ сверху... Слѣдуетъ остерегаться».

Онъ пошелъ обратно къ своимъ спутникамъ, стараясь скрыть отъ нихъ произведенное на него впечатлѣніе. Нѣсколько минутъ спустя, карета остановилась на площади Обсерваторіи и агентъ отвелъ Шади и Пальяра въ трактиръ, сказавъ:

— Мы пріѣхали; теперь за рюмкой и закуской мы рѣшимъ, что намъ дѣлать... Кто-нибудь изъ васъ знаетъ этого абата Дютилейля? спросилъ агентъ, когда они усѣлись за столомъ.

Отрицательный отвѣтъ обоихъ его собесѣдниковъ, казалось, поразилъ агента.

— Но вы, г. Пальяръ, должны знать его, покрайней мѣрѣ, по виду.

— Я?! возразилъ тотъ съ удивленіемъ,—я никогда не видалъ этого священника.

— Однакожь, просматривая бумаги, я узналъ, что онъ исповѣдывалъ вашу матушку. Онъ же и засвидѣтельствовалъ, что документы, находившіеся въ рукахъ Бойе, были ему отданы г-жею Пальяръ.

— А! вотъ какъ! Ясно, что все это дѣло рукъ моего кузена; очевидно, все это одна шайка. Вы правы, г. Гюре, существуетъ цѣлый заговоръ, чтобы погубить Мориса.

— Этотъ пунктъ требуетъ разъясненія.

— Для меня онъ совершенно ясенъ. Еслибы, вмѣсто того, чтобы спрашивать моего кузена о тѣхъ свѣдѣніяхъ, которыя послужили ему оправданіемъ, подумали бы обо мнѣ и выслушали обѣ стороны, то не такъ бы скоро оправдали этого бездѣльника. Священникъ, исповѣдовавшій мою мать, достойный человѣкъ; я могу не раздѣлять всѣхъ его убѣжденій, но не могу не питать къ нему уваженія. Повторяю, тотъ священникъ, который присутствовалъ при послѣднихъ минутахъ моей матери, достойный человѣкъ.

— Вы его знаете?

— Да.

— И такъ показаніе Бойе опять таки ложно.

— Конечно.

— Все это очень важно... Священникъ, о которомъ вы говорите, подтвердитъ ваши слова?

— Несомнѣнно. Абатъ Лоренъ живетъ въ улицѣ Сен-Викторъ; онъ былъ знакомъ съ Бойе, но не съ моею матерью; нѣсколько дней спустя послѣ ея смерти онъ пришелъ ко мнѣ, чтобы сказать мнѣ, что ея послѣдняя мысль была обо мнѣ. Онъ былъ очень остороженъ, говоря о Бойе, но въ этой осторожности проглядывало презрѣніе. Бойе хотѣлъ убѣдить его, что необходимо заставить мою мать дѣйствовать противъ меня въ его пользу; абатъ Лоренъ отказался отъ такого гнуснаго дѣла. Онъ подтвердилъ мнѣ, что моя мать ничего не завѣщала моему кузену, а на вопросъ, сдѣланный священникомъ въ интересахъ Бойе, она отвѣчала такъ: «Бойе славный малый, имѣетъ хорошее мѣсто, достаточно заработываетъ для существованія; ему ничего не нужно; но если съ нимъ когда нибудь случится несчастье, мой сынъ не оставитъ его въ нуждѣ». Окончивъ исповѣдь моей матери, абатъ Лоренъ вышелъ отъ нея встрѣтилъ Бойе въ комнатѣ, сосѣдней съ комнатою моей матери и сказалъ ему только: «Ваша тетушка святая женщина, предупредите какъ можно скорѣе ея сына и молитесь за нее». Вотъ и все.

— Очень хорошо. Надо дѣйствовать энергично; я не знаю Дютилейля. Сейчасъ я отправлюсь къ нему. Вы же въ это время оставайтесь подлѣ дома. Въ случаѣ, если я увижу что нибудь подозрительное, я знакомъ сообщу вамъ, что надо дѣйствовать. Шади сядетъ тогда въ карету и какъ можно скорѣе отвезетъ эту записку въ ближайшій полицейскій постъ. Вамъ дадутъ четырыхъ людей. Пока они не придутъ, Пальяръ никого не выпуститъ изъ дома. Мы должны захватить этого лжесвидѣтеля. И такъ рѣшено, будемъ дѣйствовать.

— Конечно.

Они направились къ улицѣ Ада; придя къ воротамъ «Пріюта нравственнаго исправленія юныхъ грѣшниковъ», Шади указалъ на сосѣдній домъ, который красили; случилось такъ, что всѣ рабочіе отправились завтракать. Ведра съ краскою и кисти были оставлены у стѣны.

— Вотъ намъ и занятіе, сказалъ Шади;—чтобы не возбудить подозрѣнія, мы займемся окраской дома въ ожиданіи васъ.

— Это ловко. Очень хорошо! ступайте, я иду... будьте внимательны.

Въ то время, какъ Пальяръ, подражая Шади, снималъ пальто и надѣвалъ на себя фартукъ оставленный мастеровыми, Гюре входилъ въ домъ абата Дютилейля. Дородный слуга, котораго мы уже знаемъ, отворилъ ему:

— Я хотѣлъ бы поговорить съ г. абатомъ Дютилейлемъ, сказалъ Гюре.

— Хорошо, сударь, не угодно-ли вамъ будетъ сказать вашу фамилію?

— Онъ меня не знаетъ, я посланъ одною изъ дамъ патронесс по дѣламъ благотворительности...

Тутъ ему пришла въ голову мысль и онъ прибавилъ:

— Я посланъ графинею Изою Зинтскою.

— Подождите минуточку, сказалъ молодой человѣкъ.

Онъ пошелъ на верхъ, и вскорѣ вернулся.

— Пожалуйте на верхъ, сударь, сказалъ онъ.

Агентъ вошелъ въ кабинетъ абата; этотъ послѣдній, какъ будто нехотя подходилъ къ нему. Агентъ-же, взглянувъ на него, воскликнулъ:

— Вы!.... вы!... Это вы абатъ Дютилейль.

Испуганный патеръ также отодвинулся назадъ, онъ узналъ агента и вѣроятно имѣлъ причины опасаться, что его такъ скоро узнали.

Агентъ Гюре, сверкая глазами, сталъ передъ нимъ и продолжалъ.

— Какъ, г. Дютиль, я васъ снова нахожу? Неужели вы успѣли уже расквитаться съ многочисленными преступленіями, въ которыхъ васъ обвиняли?.... О! теперь я понимаю, что такое этотъ пріютъ и нравственное исправленіе юныхъ грѣшниковъ!

Абатъ Дютилейль казался совершенно уничтоженнымъ; онъ не смѣлъ поднять глазъ. Однако онъ сдѣлалъ усиліе и, пробуя улыбнуться, сказалъ:

— Боже мой! я совершенно оглушенъ вашими восклицаніями; я не понимаю ни слова. Вѣроятно, вы введены въ заблужденіе сходствомъ.

И абатъ, снова овладѣвъ собою, улыбался, искоса посматривая на агента.

— А! замѣтилъ агентъ весело,—вы меня не узнаете? Я ошибаюсь.

И, пожавъ презрительно плечами, онъ зашагалъ взадъ и впередъ по комнатѣ, казалось, не обращая рѣшительно никакого вниманія на запирательство патера, играя съ нимъ какъ кошка съ мышью. Онъ дошелъ до окна, которое выходило во дворъ и, поднявъ стору, сказалъ:

— Этотъ домъ отлично построенъ и отдѣланъ на большую ногу; здѣсь вовсе не пристойно быть пріюту...

И агентъ расхохотался такъ, что патеръ покраснѣлъ; вмѣстѣ съ тѣмъ на лицѣ его выразилось изумленіе, что агентъ позволяетъ себѣ обращаться такъ безцеремонно.

— Но, милостивый государь, я васъ не знаю, сказалъ патеръ.—Вы пришли отъ имени графини Зинтской; что значитъ ваше странное обращеніе?

Гюре поднялъ стору, чтобы посмотрѣть на дворъ и вдругъ его глаза заблестѣли, очевидно онъ увидѣлъ что-нибудь для него очень интересное; онъ не могъ скрыть своего впечатлѣнія. Замѣтивъ это, абатъ Дютилейль, не спускавшій съ него глазъ, выпрямился и сказалъ съ безпокойствомъ:

— Наконецъ, милостивый государь, не угодно-ли вамъ объяснить мнѣ причину вашего посѣщенія или вы хотите, чтобы я позвалъ людей?

Гюре не отвѣчалъ, а только пожалъ плечами; совершенно занятый тѣмъ, что увидѣлъ, онъ отошелъ отъ окна и подошелъ къ другому, которое выходило на улицу Ада и, къ немалому изумленію патера, открылъ окно.

— Что вы дѣлаете? спросилъ Дютилейль.

— Я смотрю, Дютиль, какая вывѣска на вашемъ домѣ, отвѣчалъ агентъ, дѣлая знакъ рукою.

— Прошу васъ прекратить эту слишкомъ длинную шутку, иначе я принужденъ буду...

Абатъ хотѣлъ взяться за колокольчикъ. Гюре бросился къ нему и схватилъ его за руку.

— Полно! кончимте, сказалъ онъ.—Ни слова, ни жеста... Именемъ закона я васъ арестую, Эмиль Дютиль!

Абатъ Дютилейль выпрямился и, ставъ противъ агента, смѣло сказалъ ему:

— Въ третій разъ я повторяю вамъ, что вы заблуждаетесь. Моя фамилія Дютилейль... Мое званіе требуетъ уваженія, о чемъ мнѣ слѣдуетъ вамъ напомнить. Я согласенъ забыть обо всемъ, что произошло; но я покорнѣйше прошу васъ вернуться къ порученію графини Зинтской.

— Мнѣ нужно выполнить здѣсь только одно порученіе... Я арестую тебя и другого.

При этихъ словахъ Дютилейль бросился къ двери. Онъ видѣлъ, что его настигли врасплохъ и искалъ спасенія въ бѣгствѣ. Однакожь онъ приготовился къ борьбѣ, ожидая, что Гюре бросится за нимъ и помѣшаетъ ему выбѣжать. Онъ согнулся, чтобы избѣгнуть схватки. Но Гюре не обращалъ больше на него вниманія. Дютилейль, подобравъ хвостъ своей рясы, не сошелъ, а слетѣлъ кувыркомъ съ лѣстницы; Гюре спокойно вернулся къ окну и сдѣлалъ новый знакъ. Не занимаясь болѣе абатомъ, онъ въ свою очередь сошелъ внизъ и, не смотря на возраженія толстаго слуги, стерегшаго дверь, бросился въ другой корпусъ зданія.

Абатъ Дютилейль трясъ дверь, которая никакъ не отворялась; онъ проклиналъ, бранился, звалъ на помощь привратника, который пришелъ на его зовъ съ другой стороны двери.

— Что это значитъ, меня заперли?

— Я тутъ ровно ничего не понимаю...

— Гдѣ же онъ?

— Кто такой?

— Агентъ...

— Ахъ! Боже мой! это полиція! воскликнулъ толстякъ; онъ побагровѣлъ отъ страха и убѣжалъ, не слушая никакихъ доводовъ. Абатъ Дютилейль трясъ дверь, но она не отворялась.

Гюре видѣлъ, что какой-то человѣкъ карабкался по лѣстницѣ на дворѣ и послѣдовалъ за нимъ. Въ ту минуту, когда этотъ послѣдній вошелъ въ комнату и хотѣлъ захлопнуть дверь, Гюре распахнулъ ее, вошелъ и, размахивая кастетомъ, сказалъ:

— Наконецъ-то я нашелъ васъ, Андре Гударъ.

— Чего вы отъ меня хотите?....

— Именемъ закона, я васъ арестую.

Видя, что Андре осматривается кругомъ испы-

тующимъ взглядомъ, желая очевидно убѣжать, Гюре продолжалъ:

— Ни одного слова, ни движенія или я ударю...

— По какому праву вы меня арестуете? Я освобожденъ; были перепутаны фамиліи; меня отпустили по неимѣнію уликъ.

— Мнѣ незачѣмъ отвѣчать вамъ. Я арестую васъ и при малѣйшей попыткѣ къ сопротивленію размозжу вамъ голову... О! не ищите средства къ побѣгу... Домъ окруженъ, вамъ не уйти.

Внизу послышался шумъ, Гюре нахмурилъ брови и встревожился, а Гударъ сталъ прислушиваться.

Абатъ Дютилейль послѣ долгихъ усилій, наконецъ, отворилъ дверь, выходящую на улицу; онъ пустился бѣжать дальше, но попалъ въ руки агентовъ, приведенныхъ Шади. Онъ рискнулъ было сопротивляться, но его тотчасъ взяли, завязали ему ротъ и посадили въ карету. Услыхавъ шаги на лѣстницѣ, Гударъ вообразилъ, что идутъ къ нему на помощь. Онъ уже выпрямился и готовъ былъ вступить въ борьбу съ Гюре, но агентъ загородилъ ему дверь и сталъ на сторожѣ, размахивая своимъ кастетомъ. Вскорѣ на его голосъ явились агенты.

— Возьмите этого человѣка, сказалъ Гюре,— и надѣньте на него ручныя кандалы...

Агенты бросились на Гудара, ожидая сопротивленія, но негодяй не имѣлъ ни мужества, ни энергіи; онъ пассивно отдался въ ихъ руки.

— Мы сначала отправимъ его въ префектуру, сказалъ Гюре.—Его арестъ весьма важенъ, слѣдуетъ принять необходимыя предосторожности.

— По указанію стерегущаго дверь, сказалъ одинъ изъ полицейскихъ, — мы уже арестовали одного, одѣтаго патеромъ.

— Дютиля; очень хорошо, отвезите ихъ обоихъ; мы же сдѣлаемъ обыскъ въ домѣ и арестуемъ здѣсь всѣхъ, кого найдемъ. Это домъ Базиліо, Тартюфа и К°. Надо захватить всю шайку, будьте внимательны!

Въ это время вошла новая личность; растолкавъ агентовъ и бросаясь на помощь Гудару, этотъ человѣкъ закричалъ:

— Что все это значитъ; кто здѣсь распоряжается?

— Я, отвѣчалъ Гюре, узнавшій Бойе, котораго видѣлъ въ кафе Соважа.—А, это вы, г. Бойе... Еще одинъ. Я арестую и васъ.

— Вы меня арестуете, отвѣчалъ Бойе гордо и презрительно.—А по какому праву? гдѣ ваше полномочіе? У васъ видно разыгралась фантазія, г. агентъ охранительной полиціи.

— Я исполняю свою обязанность и, въ силу полученныхъ мною полномочій, арестую васъ, г. полицейскій шпіонъ.

И онъ безцеремонно схватилъ за воротникъ товарища и схватилъ такъ неучтиво, что Бойе подъ тяжестью его руки, присѣлъ къ землѣ.

— Вѣроломный агентъ, низкій шпіонъ и наглый лицемѣръ, я арестую васъ! Возьмите его, сказалъ онъ, отдавая его другимъ агентамъ, — и пусть уведутъ его вмѣстѣ съ другими.

Бойе былъ уничтоженъ; онъ опустилъ глаза: изъ дерзкаго онъ сталъ трусливымъ и подлымъ. Видя себя арестованнымъ и зная, что его отведутъ въ префектуру въ сообществѣ Андре Гудара, онъ понялъ, что погибъ; онъ сложилъ руки и умоляющимъ голосомъ сказалъ:

— Г. Гюре, вы ошибаетесь, вы меня не знаете, вы дурно обо мнѣ судите. Если вамъ поручили арестовать меня, я слишкомъ уважаю приказанія нашихъ начальниковъ, чтобы осмѣлиться сопротивляться имъ. Но прошу смотрѣть на меня, какъ на товарища и не смѣшивать меня съ прочими обвиняемыми.

Гюре презрительно улыбнулся, услышавъ, что негодяй отрекается отъ своихъ сообщниковъ.

— Не существуетъ никакихъ уликъ, которыя могли бы дать поводъ къ моему аресту, продолжалъ Бойе,—кромѣ моего присутствія въ этомъ домѣ, которое однако легко объяснить, такъ какъ оно вызвано моими служебными обязанностями. Я прошу васъ, любезный товарищъ, позволить мнѣ явиться самому въ префектуру... что я тотчасъ и сдѣлаю.

Гюре даже не мигнулъ; онъ наблюдалъ за исполненіемъ своихъ приказаній; агенты уводили Гудара; когда Андре свели внизъ, Гюре сказалъ нѣсколько словъ одному изъ агентовъ, который тотчасъ ушелъ.

— Вы ошибаетесь, сказалъ онъ сухо, обращаясь къ Бойе,—васъ арестовали не потому, что встрѣтили въ этомъ домѣ. Вы знаете очень хорошо, кто такіе эти два человѣка, съ которыми вы находитесь вмѣстѣ.

— Я повторяю вамъ, что нахожусь здѣсь совершенно случайно.

— Вамъ нечего защищаться передо мною. Вы знаете службу, я исполняю приказанія начальства.

— Арестуя меня! воскликнулъ Бойе.

— Да.

— Но въ чемъ же меня обвиняютъ?

Гюре увидѣлъ, что агентъ, съ которымъ онъ говорилъ на лѣстницѣ, возвращается съ Пальяромъ.

— Г. Пальяръ, сказалъ онъ,— сообщите г. Бойе причину его ареста.

— Такъ вотъ гдѣ мы встрѣтились, сказалъ Пальяръ,—и ты, бездѣльникъ, еще спрашиваешь, почему тебя арестуютъ? тебя схватили, какъ вора... Какъ вора! слышишь-ли?

Бойе на минуту смутился, узнавъ сына старухи Пальяръ, но, быстро оправившись, сложилъ руки, склонилъ голову и сказалъ:

— Я привыкъ къ твоимъ оскорбленіямъ, кузенъ... Я понимаю: ты оклеветалъ меня и сдѣлалъ доносъ, сказавъ, что я укралъ то, что было отдано добровольно. Ты не знаешь, что это можетъ подтвердить священникъ, а именно тотъ, который исповѣдывалъ твою мать.

— А какъ зовутъ этого священника? лукаво спросилъ Пальяръ.

— Этотъ священникъ, господа, то самое лицо, въ домѣ котораго, потерявъ всякое уваженіе къ его сану, вы пришли преслѣдовать меня; такъ же, какъ и этого человѣка, котораго, конечно, я не буду пытаться защищать, но присутствіе котораго въ этомъ домѣ очень понятно, потому что здѣсь пріютъ...

— И такъ, ты продолжаешь утверждать, въ присутствіи г. Гюре и гг. агентовъ, что духовникомъ моей матери былъ хозяинъ этого дома.

— Да, уважаемый абатъ Дютилейль.

— И она сказала ему, что передала тебѣ на значительную сумму бумажныхъ цѣнностей, запечатанныхъ въ конвертѣ, желая, чтобы и ты имѣлъ свою долю наслѣдства?

— Да; все это она сообщила г. абату... Я знаю, что по твоимъ антирелигіознымъ чувствамъ, ты выразишь сомнѣніе къ его словамъ.

— Это тотъ же самый абатъ, который давалъ показаніе въ дѣлѣ объ убійствѣ Леи Меданъ, утверждая, что встрѣчалъ у покойной Мориса Ферана?

— Это онъ самый... Ты не вѣришь его слову? Я знаю, ты не любишь священниковъ.

— Мой дорогой кузенъ, я посовѣтуюсь съ абатомъ Лореномъ. Мы поставимъ его на очную ставку съ абатомъ Дютилейлемъ.

— Абатъ Лоренъ! воскликнулъ изумленный Бойе.

— Да, абатъ Лоренъ; ты надѣялся, что я повѣрю твоимъ словамъ и не стану собирать надлежащихъ справокъ. Я, конечно, не клерикалъ, но я уважаю всѣ религіи, когда онѣ искренни и не служатъ маскою пороку. Я питаю къ этому негодяю, котораго ты называешь абатомъ Дютилейлемъ, презрѣніе, котораго онъ достоинъ, а почтеннаго абата Лорена уважаю, потому что онъ этого заслуживаетъ.

— Я не знаю абата Лорена, сказалъ Бойе,— потому-то у меня и вырвалось восклицаніе при его имени.

— Несчастный, будь поумнѣе, абатъ Дютилейль арестованъ.

— Абатъ Дютилейль арестованъ! Вы его арестовали?

— И онъ долженъ будетъ объявить въ присутствіи абата Лорена, что онъ былъ духовникомъ моей матери.

— Абатъ Дютилейль пришелъ въ послѣднія минуты; какой-то священникъ приходилъ прежде.

— Ты говоришь глупости; абатъ Лоренъ и приходилъ въ послѣднія минуты; его успокоилъ докторъ, лечившій покойницу; этому-то священнику моя мать сказала, что все свое имущество завѣщаетъ мнѣ одному и увѣрена, что если у насъ въ роднѣ найдется бѣднякъ, достойный участія, то я непремѣнно помогу ему! Впрочемъ, здѣсь не мѣсто тебѣ защищаться, ты хотѣлъ знать причину твоего ареста, ты ее знаешь теперь.

— Уведите его, сухо сказалъ Гюре.

Несмотря на возраженія и проклятія, которыми Бойе осыпалъ своего кузена, онъ былъ уведенъ агентами.

— Чортъ возьми, я не расчитывалъ, что здѣсь попадется такая дичь. Здѣсь былъ организованъ цѣлый заговоръ противъ Ферана. Все это теплые ребята. Дютиль послѣдній изъ негодяевъ. Уже четвертый или пятый разъ онъ проходитъ черезъ мои руки.

— Дютиль? Кто это такой?

— Абатъ; это растриженный патеръ; Дютиль обладаетъ всевозможными пороками. Ему запрещено носить священническую рясу, потому-то онъ нѣсколько разъ перемѣнялъ фамилію. Этотъ домъ долженъ имѣть какое-нибудь спеціальное назначеніе; тутъ навѣрное творится масса мошенническихъ продѣлокъ; слѣдуетъ произвести серьезный обыскъ. Двое изъ агентовъ останутся здѣсь, а я отправлюсь за приказаніями.

— Нужно намъ идти съ вами?

— Да, вы поѣдете за нами въ открытомъ экипажѣ; вы оба молоды, сильны и проворны. Мошенники могутъ сдѣлать попытку къ побѣгу; вы подадите намъ помощь. Не хорошо будетъ, если Андре Гударъ ускользнетъ изъ нашихъ рукъ.

Пальяръ пошелъ отыскивать Шади и нашелъ его передъ картиной весьма соблазнительнаго сюжета.

— Каковы здѣсь картинки! вскричалъ Шади.— На иную и смотрѣть противно: такая сальность!

— Гюре кажется угадалъ, какого рода пріютъ здѣсь учрежденъ. Впрочемъ, достаточно встрѣтить здѣсь Бойе, чтобы навѣрное сказать, что тутъ найдется и мошенничество и развратъ.

Они сошли внизъ; у агентовъ было двѣ кареты; въ одну изъ нихъ посадили Гудара; съ нимъ вмѣстѣ сѣли двое полицейскихъ; на рукахъ у него были кандалы. Андре притворялся равнодушнымъ ко всему, что происходило вокругъ него и казалось былъ вполнѣ увѣренъ, что его скоро освободятъ. Въ другой каретѣ помѣстили Дютилейля и Бойе; съ ними сѣли Гюре и одинъ изъ агентовъ; четвертый агентъ усѣлся рядомъ съ кучеромъ.

Шади сбѣгалъ за открытымъ экипажемъ, въ который сѣлъ вмѣстѣ съ Пальяромъ. Экипажи направились къ префектурѣ. Гюре пригласилъ еще двухъ полицейскихъ, которыхъ оставилъ въ пріютѣ, давъ имъ приказаніе не выпускать никого изъ дому; входить же въ него никому не возбраняется, но уходить обратно нельзя до возвращенія его, Гюре. Однимъ словомъ, Гюре устроилъ въ пріютѣ такъ называемую мышеловку.

Пріѣхавъ въ префектуру, Гюре отправился въ кабинетъ императорскаго прокурора. Онъ былъ нѣсколько удивленъ и даже встревоженъ, увидавъ у прокурора Матье дю-Тальи и Оскара де-Вершемона; на слѣдователя было жалко смотрѣть.

— Нѣтъ-ли какихъ новостей? спросилъ прокуроръ.

— Я отыскалъ Андре Гудара, отвѣчалъ Гюре.—Онъ прятался въ домѣ, называющаго себя абатомъ, Дютилейля, являвшагося свидѣтелемъ въ дѣлѣ объ убійствѣ въ улицѣ Лакюэ; вмѣстѣ съ ними былъ и агентъ Бойе, производившій дознаніе по этому дѣлу. Мнѣ показалась подозрительной ихъ дружба и я арестовалъ всѣхъ троихъ.

— И хорошо сдѣлали! Такъ эти господа находятся въ близкихъ отношеніяхъ одинъ съ другимъ. Это дѣйствительно подозрительно.

И судебные дѣятели переглянулись другъ съ другомъ.

Теперь неудача слѣдствія становилась совершенно понятной: агентъ которому было поручено сдѣлать розыскъ, имѣлъ сношеніе съ обвиняемымъ и, конечно, старался всѣми силами запутать слѣдствіе. Въ нѣсколькихъ словахъ Гюре разсказалъ, что такое за человѣкъ, называвшій себя абатомъ Дютилейлемъ. Разсказъ его очень удивилъ Матье дю-Тальи, на котораго Дютилейль нѣсколько дней тому назадъ произвелъ сильное впечатлѣніе своимъ спокойнымъ, сдержаннымъ показаніемъ. Гюре разсказалъ также посредствомъ какой наглой лжи, подтвержденной мнимымъ абатомъ, Бойе удалось увѣрить всѣхъ, что цѣнные бумаги, розыскиваемыя судомъ, были ему завѣщаны покойною Пальяръ. Становилось очевидно, что всѣ эти три личности уговорились между собой ввести въ заблужденіе правосудіе. Не безполезно также узнать, что творилось въ домѣ абата Дютилейля. Гюре, конечно, тотчасъ же получилъ необходимыя полномочія.

— Кому я долженъ докладывать о моихъ розыскахъ? спросилъ Гюре прокурора.

Нѣсколько секундъ длилось молчаніе; Вершемонъ кусалъ себѣ губы. Для того, чтобы избѣгнуть отрѣшенія отъ должности, чтобы снова занять свое мѣсто и искупить свои ошибки удвоеннымъ стараніемъ, онъ пришелъ сегодня утромъ къ прокурору съ президентомъ Матье дю-Тальи, обѣщавшимъ ходатайствовать за него. Гюре пришелъ именно въ ту минуту, когда дѣло уже почти улаживалось.

Прокуроръ вопросительно смотрѣлъ на президента Матье дю-Тальи. Гюре замѣтилъ этотъ взглядъ и нахмурилъ брови; онъ сдѣлалъ шагъ впередъ, подошелъ къ Оскару де-Вершемону и тихо сказалъ ему:

— Я ничего не говорилъ противъ васъ, изъ уваженія къ вашему горю... но если вы снова примете назначеніе вести это слѣдствіе, я сочту своею обязанностью отказаться служить подъ вашимъ начальствомъ и, разумѣется, объясню причины своего отказа.

Пока Гюре говорилъ это Вершемону, между президентомъ суда и прокуроромъ шла бесѣда вполголоса. Предсѣдатель горячо настаивалъ, чтобы его молодому пріятелю было снова поручено по прежнему производство слѣдствія.

— Умоляю васъ, откажитесь отъ этого слѣдствія, продолжалъ Гюре, говоря почти на ухо Вершемону,—если вы любите г-жу Изу, которую мы обвиняемъ. Вы невольно будете защищать ее и снова откажетесь выслушать мои доклады, когда дѣло будетъ идти о ней. Даже если вы вырвали изъ вашего сердца эту любовь, и теперь ненавидите и презираете эту женщину, вы и въ такомъ случаѣ не въ состояніи будете давать настоящую цѣну нашимъ донесеніямъ. Если вы примете это назначеніе г. де-Вершемонъ, я долженъ буду объявить, что вы были любовникомъ той, которую мы обвиняемъ.

Вершемонъ отошелъ къ окну, желая собраться съ мыслями; Гюре также отодвинулся назадъ и, выпрямившись, стоялъ неподвижно и ждалъ. Поговоривъ нѣсколько минутъ вполголоса, прокуроръ уступилъ настояніямъ предсѣдателя.

— Вотъ что, г. де-Вершемонъ, сказалъ онъ,—рѣшились-ли вы теперь исключительно заняться этимъ дѣломъ?

Гюре пристально посмотрѣлъ на молодого человѣка; Вершемонъ, сдѣлавъ надъ собою неимовѣрное усиліе, къ великому удивленію Матье дю-Тальи отвѣчалъ:

— Г. прокуроръ, я раздумалъ и, благодаря васъ за вашу доброту, попрошу, въ интересахъ правосудія, выбрать другого слѣдователя; послѣ всѣхъ этихъ происшествій я буду дѣйствовать не безъ предубѣжденій и не совсѣмъ правильно могу смотрѣть на вещи... Я прошу васъ оставить меня въ моей должности и позволить мнѣ искупить въ другомъ дѣлѣ мои ошибки. Въ свою защиту я могу сказать только, что былъ отчасти введенъ въ заблужденіе дѣйствіями агента, дававшаго мнѣ намѣренно ложныя свѣдѣнія. Пользуясь своимъ положеніемъ, этотъ агентъ покровительствовалъ тѣмъ, которыхъ долженъ бы былъ предать въ руки правосудія.

— Я очень доволенъ вашимъ рѣшеніемъ, г. де-Вершемонъ, и вполнѣ одобряю его; вамъ будетъ поручено другое дѣло.

Агентъ Гюре тотчасъ же отправился для производства обыска въ домѣ Дютилейля.

Выходя отъ прокурора дю-Тальи поздравилъ Оскара съ его рѣшеніемъ, такъ какъ оно было единственнымъ удобнымъ для него исходомъ.

Вечеромъ въ городѣ много было толковъ объ открытіяхъ, сдѣланныхъ въ «пріютѣ призрѣнія и нравственнаго исправленія юныхъ грѣшниковъ»; было произведено много арестовъ. Дѣло было вполнѣ скандальное и такого рода, что его придется разбирать при закрытыхъ дверяхъ, когда оно дойдетъ до исправительнаго суда.

Гюре въ тотъ же вечеръ видѣлся съ новымъ слѣдователемъ и узналъ отъ него, что допросы, которые слѣдовало бы начать съ слѣдующаго же дня, отложены до особаго приказанія. Главная обвиняемая, графиня Иза Зинтская, просила и получила дозволеніе быть допрошенною самимъ императорскимъ прокуроромъ. Скучный и встревоженный вышелъ Гюре отъ слѣдователя.

— Все это очень странно, сказалъ онъ.— Можно подумать, что снова желаютъ затормозить это дѣло. Вѣроятно, виновныхъ не окажется.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Государственное и соціальное развитіе Японіи за послѣдніе 10 лѣтъ (1868 — 1878).

(Ст. Е. А. Сысоевой.)

(*Окончаніе.*)

8. Возстановленіе власти микадо.

Каста придворныхъ слышать не хотѣла о нововведеніяхъ и добивалась одного — возстановленія власти микадо и водворенія въ государствѣ старыхъ порядковъ. Къ ней примкнула небольшая партія приверженцевъ древней японской религіи синту (поклоненіе предкамъ). Будучи слишкомъ слаба для того, чтобы пріобрѣсти себѣ вліяніе на народъ, дѣйствуя открыто, партія микадо прибѣгла къ тайнымъ убійствамъ; первыми жертвами ея были три самые главные вожака южныхъ самураевъ.

Вотъ начало реставраціи въ Японіи (1868 г.). Государственное управленіе снова распалось на два отдѣла: духовный и свѣтскій, съ тою только разницею, что теперь послѣдній былъ подчиненъ первому; на всѣ высшіе посты въ этой теократіи были назначены придворные сановники; самураямъ и князьямъ достались низшія должности государственныхъ совѣтниковъ; князей оставили на прежнемъ положеніи полновластныхъ владѣтелей принадлежащихъ имъ провинцій; а тайкунъ спустился до степени старшаго леннаго князя, т. е. до своего первобытнаго положенія. Большую часть своихъ доходовъ онъ долженъ былъ уступить микадо; но его касса такъ уже была истощена ежегодными выдачами наградъ самураямъ, принимавшимъ сторону тайкуната, что теперь на долю придворной партіи микадо осталось весьма немного. Партія эта надѣялась получить значительное вознагражденіе изъ конфискованнаго имущества побѣжденныхъ за тѣ лишенія, которыя она переносила втеченіи нѣсколькихъ вѣковъ подъ гнетомъ тайкуновъ; всѣ думали, что придворной знати, вмѣстѣ съ властью, достанутся огромныя богатства; а между тѣмъ, ничего подобнаго не случилось; только 9 человѣкъ, именно, тѣ, которые наиболѣе отличились въ борьбѣ съ тайкунатомъ, получили прибавку доходовъ; изъ князей же и самураевъ лишь 21 лицу ассигновали потомственный годовой денежный окладъ, а всѣхъ остальныхъ наградили единовременнымъ пособіемъ.

Первые годы новаго императорскаго правленія (1868—1872 г.) представляютъ картину страшной безурядицы; старые порядки рушились, а новые водворялись на очень шаткомъ основаніи; самые незрѣлые проекты смѣняли одинъ другой; консерваторы или патріоты старались выкопать изъ мрака прошлаго старинныя учрежденія и должности и навязать правительству эти обветшалыя формы; пламенные поклонники европейской культуры, съ своей стороны, торопились открыть тысячи шлюзовъ, чтобы, такъ сказать, произвести искуственное орошеніе Японіи потоками западной цивилизаціи. Заговорили о введеніи англійской конституціи, безъ всякаго измѣненія; въ 1869 г. было даже засѣданіе парламента, но сессія его продолжалась лишь нѣсколько недѣль, послѣ чего онъ закрылся навсегда. То и дѣло происходили разныя перетасовки и перемѣны; сегодняшнее постановленіе совершенно противорѣчило вчерашнему.

9. Уничтоженіе феодальной системы.

Лѣтомъ 1871 г., весь міръ былъ пораженъ изумленіемъ, узнавъ о событіи, которое, нѣсколько лѣтъ назадъ, считалось невозможнымъ даже самыми смѣлыми реформаторами; многія лица, близко знакомыя съ дѣлами Японіи, не хотѣли вѣрить распространившемуся слуху, и тогда только убѣдились въ его дѣйствительности, когда поразившее всѣхъ событіе, спустя нѣсколько лѣтъ, оказалось совершившимся фактомъ. Владѣтельные князья Японіи были низложены и феодализмъ безвозвратно палъ.

Смотря съ теперешней точки зрѣнія на тогдашнее положеніе Японіи, становится ясно, что все это было только естественнымъ результатомъ реставраціи, логическимъ послѣдствіемъ хода вещей. Существованіе феодаловъ, этого продукта тайкуната, сдѣлалось немыслимо послѣ распаденія послѣдняго; онъ изстари считался въ народѣ узурпаціей; тоже самое обвиненіе должно было пасть, конечно, и на владѣтельныхъ князей, этихъ пламенныхъ приверженцевъ тайкуна. Вмѣстѣ съ водвореніемъ единодержавной власти микадо началось преслѣдованіе феодаловъ; самураи, ожесточенные ихъ хищничествомъ, произволомъ и возмутительнымъ обращеніемъ съ подвластнымъ имъ народомъ, до такой степени настойчиво стали требовать уничтоженія ленныхъ отношеній и такъ энергически отстаивать права личныхъ достоинствъ и заслугъ передъ правами происхожденія, что оробѣвшіе князья сами представили микадо проектъ реформы и торопили введеніемъ

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА Я. МАТЕЙКО.

Шутъ. Рѣзано на деревѣ въ «Варшавской политипажнѣ».

ея, сознавая безвыходность своего положенія въ матеріяльномъ отношеніи. Въ послѣднее время всѣ они, болѣе или менѣе, разорились.

Больше всѣхъ пострадалъ князь Зацума, совершенно разстроившій свое состояніе погоней за европейской цивилизаціей; на пріобрѣтеніе пароходовъ, устройство фабрикъ и на другія нововведенія у него уже давно не хватало денегъ; задолжавъ по уши мѣстнымъ богачамъ, онъ началъ прибѣгать къ иностраннымъ займамъ; примѣру его послѣдовали многіе изъ южныхъ князей; но кредитъ ихъ держался не долго; въ 1871 г., общая сумма долговъ владѣтельныхъ князей возросла до 10 мил. доларовъ, а между тѣмъ металическія деньги внутри страны давно уже замѣнились бумажными; мало того, Зацума пустилъ даже въ ходъ фальшивую монету, наводнивъ ею всѣ открытые торговые порты, вслѣдствіе чего иностранные послы вмѣшались въ это дѣло и потребовали отъ центральнаго правительства немедленной замѣны фальшивой монеты настоящею.

Такой экономическій строй угрожалъ Японіи неминуемымъ банкротствомъ, и правительство микадо рѣшилось на радикальную мѣру: 14 іюля 1871 г., оно издало декретъ, которымъ всѣ владѣтельные князья вызывались въ Іедо на постоянное жительство, а ихъ владѣнія поступали въ казну и образовали родъ удѣловъ, съ которыхъ князьямъ назначалась одна десятая часть собираемыхъ доходовъ. Самурайямъ оставили ихъ наслѣдственные ежегодные оклады; кромѣ того, нѣкоторые изъ нихъ получили мѣста губернаторовъ въ отнятыхъ у владѣтельныхъ князей провинціяхъ; большая часть высшихъ государственныхъ должностей была предоставлена также имъ. Всѣ эти распоряженія касались, впрочемъ, только князей и самурайевъ южной Японіи; сѣверные еще прежде были подавлены тайкунами и, въ настоящую минуту, не посмѣли возвысить голоса.

Феодалы безмолвно подчинились повелѣнію микадо и немедленно съѣхались въ Іедо; ни одному изъ нихъ не пришло въ голову протестовать противъ такого насилія правительства; съ этихъ поръ ихъ политическая роль кончилась навсегда. Вмѣстѣ съ нею канулъ въ Лету и религіозный характеръ японскаго правительства; бывшій духовный императоръ микадо превратился теперь въ единодержавнаго свѣтскаго монарха; у него даже не имѣлось министерства духовныхъ дѣлъ; бонзы получали, правда, содержаніе отъ правительства, но какъ шли дѣла религій Будды и Синту—объ этомъ никто не заботился; министру внутреннихъ дѣлъ приказано было только наблюдать за правильнымъ ходомъ управленія надъ имуществами, принадлежащими обоимъ культамъ.

10. Современная конституція Японіи и администрація страны.

Болѣе оригинальной конституціи, какъ японская, трудно себѣ представить. Императоръ, микадо, пользуется теперь, какъ и прежде, абсолютной властью, но для проформы существуетъ сенатъ съ 20-ю сенаторами, точно также легко смѣняемыми, какъ и всѣ остальные чиновники имперіи; жалованье имъ дается хорошее, по 5,000 доларовъ каждому, и это нѣсколько услаждаетъ въ нихъ горькое сознаніе, что они только номинально ограничиваютъ власть своего монарха. Вето ихъ не имѣетъ ровно никакого значенія; они могутъ безпрепятственно вступать въ пренія во время засѣданій, но на личныя мнѣнія ихъ обращается вниманіе развѣ въ самыхъ ничтожныхъ случаяхъ, напримѣръ, при установленіи какихъ-нибудь новыхъ орденовъ. Однимъ словомъ, представительное правительство въ Японіи, даже по наружности, не болѣе, какъ неудачный сколокъ съ европейскихъ государственныхъ учрежденій, сенатъ же есть нѣчто въ родѣ богадѣльни для разорившихся князей и политиковъ не у дѣлъ.

Единственные полезные и даровитые помощники микадо—это два главные члена императорскаго кабинета, принадлежавшіе прежде къ старой придворной партіи, Сантхо и Ивакура; теперь они вожаки младояпонской партіи. Оба усвоили себѣ европейскіе взгляды на международныя отношенія и убѣждены въ необходимости радикальныхъ реформъ въ государствѣ и обществѣ. За исключеніемъ этихъ двухъ лицъ, вся прочая придворная знать потеряла свое бывшее грозное значеніе и особенно обижена въ матеріяльномъ отношеніи сравнительно съ бывшими феодальными князьями, которые хотя и лишены земельной собственности, однакожь, все-таки обладаютъ значительными капиталами, но такъ какъ почти всѣ ихъ деньги пущены въ оборотъ въ различныя торговыя предпріятія, то они находятся во власти крупныхъ промышленниковъ и потому общественнаго значенія не имѣютъ никакого.

Какъ бы благодѣтельна ни казалась реставрація въ японской имперіи, нельзя отрицать того, что реформаторы, разрушивъ старые порядки, несъумѣли замѣнить ихъ прочными новыми. Правда, народъ подчиняется молодому правительству, но онъ смотритъ на представителей его, какъ на узурпаторовъ; самурайи же считаютъ ихъ интриганами, болѣе заботящимися о собственныхъ выгодахъ, чѣмъ о благѣ отечества. Реставрація породила множество партій въ Японіи, но ни одна изъ нихъ не знаетъ основательно, чего ей хочется: одни требуютъ парламента, другіе стоятъ за введеніе законовъ китайскихъ философовъ, третьи осуждаютъ плохое финансовое положеніе государства, четвертые кричатъ противъ тѣснаго сближенія съ иностранцами; никто никого не слушаетъ, никто никому не довѣряетъ. Истинная же причина общаго недовольства заключается въ сознаніи, что прежняго величія не вернешь, что высшіе классы страшно обѣднѣли и потеряли всякое значеніе въ странѣ. Затаенная ненависть къ новому правительству разгорается все сильнѣе и сильнѣе, а между тѣмъ, единодушной, общей опозиціи не составляется ни на сѣверѣ, ни на югѣ. Вялость, нерѣшительность составляютъ главную преграду къ радикальнымъ дѣйствіямъ партій; на сѣверѣ никто не смѣетъ шевельнуться, зная, что вся южная Японія поднимется противъ нихъ же, какъ одинъ человѣкъ, а отдѣльныя, мѣстныя возстанія, сначала въ провинціи Хошу, въ 1876 г., и затѣмъ, въ Зацумѣ, въ 1877 г., были быстро подавлены правительствомъ, которое съ этихъ поръ начало зорко слѣдить за всѣмъ югомъ, предвидя, что въ третьей провинціи, Тоза, гдѣ тайно закуплено много оружія, не сегодня, такъ завтра, вспыхнетъ также возстаніе.

Недовольны настоящимъ порядкомъ вещей и самурайи; привыкшіе играть въ государствѣ и въ обществѣ главную роль, они поставлены теперь не только наравнѣ съ крестьянами, даже, отчасти, ниже ихъ, такъ какъ послѣдніе владѣютъ землей и потому имѣютъ право голоса на выборахъ, чего лишены самурайи; жалованье отъ казны имъ отпускается самое ограниченное; только старикамъ сохранены прежніе оклады; тѣмъ же самурайямъ, которые дольше и упорнѣе отстаивали права тайкуната, не даютъ никакого жалованья; многіе изъ нихъ находятся въ нищетѣ и, чтобъ не умереть отъ голода, нанимаются въ носильщики. Такимъ образомъ, эта воинственная, образованная каста осуждена на постепенное вымираніе, а между тѣмъ, она единственная представительница культурнаго элемента японской націи. Простой народъ, вышедшій уже изъ политическаго рабства, все еще не можетъ привыкнуть смотрѣть на самурайевъ иначе, какъ на своихъ господъ.

Кабинетъ микадо пользуется такой властью въ странѣ, что, въ сущности, не императоръ, а первый министръ Сандхо управляетъ Японіей. Отъ времени до времени, микадо присутствуетъ на засѣданіяхъ министровъ, но скорѣе для того, чтобы познакомиться съ дѣлами, а не для того, чтобы рѣшать ихъ. Нѣтъ страны, гдѣ бы власть была до такой степени централизована, какъ въ Японіи; о самыхъ незначительныхъ вопросахъ надо непремѣнно докладывать кабинету, который, поэтому, и собирается почти ежедневно. Дѣятельность губернаторовъ въ приморскихъ торговыхъ портахъ сильно тормозится централизаціей; они лишены всякой самостоятельности, а вслѣдствіе этого, и иностранныя консульства часто бываютъ связаны по рукамъ и по ногамъ, даже въ такихъ случаяхъ, когда общіе интересы требуютъ быстрыхъ рѣшеній.

Внутренняя администрація Японіи также очень своеобразна. Вся страна подраздѣляется на 30 земельныхъ и 3 городскихъ округа (Іедо, Осака и Кійото или Міяко), въ каждомъ округѣ до миліона жителей; управляются они губернаторами, главныя обязанности которыхъ заключаются: въ сборѣ земельныхъ податей, въ поощреніи торговли и промышленности посредствомъ проведенія новыхъ путей сообщенія и поддержки старыхъ, въ распредѣленіи денежныхъ пособій и въ содѣйствіи развитію торговыхъ и промышленныхъ ассоціацій. Губернаторы обязаны разъ въ годъ съѣзжаться въ столицу для обсужденія нѣкоторыхъ статей законовъ и разсмотрѣнія предначертаній правительства относительно внутренняго управленія страны. До сихъ поръ на этихъ съѣздахъ губернаторы выказывали только необыкновенное усердіе принимать безпрекословно всѣ предложенія правительства. Отъ губернаторовъ зависитъ также утвержденіе актовъ о правахъ наслѣдства и усыновленія.

Въ Японіи состояніе родителей цѣликомъ переходитъ къ старшему сыну; если же родители находятъ своего сына неспособнымъ или недостойнымъ быть ихъ наслѣдникомъ, то, они подаютъ прошеніе губернатору, указывая на лицо, избранное ими для замѣщенія законнаго наслѣдника. Законъ усыновленія имѣетъ высокое значеніе во всѣхъ странахъ, гдѣ господствуетъ китайская культура; основой ему служитъ религія Синту (поклоненіе предкамъ); по ея догмату, ни одинъ родъ не долженъ быть допущенъ до вымиранія, именно для того, чтобы обезпечить умершимъ предкамъ безконечное поклоненіе потомства. Не только самурайи, но и простой народъ свято соблюдаетъ этотъ обычай, и акты усыновленія имѣютъ такое же важное значеніе, какъ акты брака и рожденія; а между тѣмъ, къ пересмотру и приведенію въ порядокъ фамильныхъ документовъ приступлено лишь въ послѣднее время.

Организація земельныхъ и городскихъ округовъ, замѣнившая, послѣ реставраціи, феодальную систему, основана совершенно на европейскій ладъ; общинное же управленіе въ деревняхъ и городахъ осталось почти въ томъ видѣ, какъ было въ старину; во главѣ его стоитъ старшина; хотя утвержденіе его зависитъ отъ губернатора, но онъ избирается мѣстными жителями. Старшина общины несетъ на себѣ нѣсколько должностей, именно: сборщика податей, нотаріуса, инспектора дорогъ, правительственнаго кассира, судьи и т. д., словомъ, онъ пользуется весьма обширной властью.

Фридрихъ Шопенъ.

Ст. П. В. Га—на.

(Продолженіе.)

Вторичное пребываніе въ Вѣнѣ Шопена было непріятно въ томъ отношеніи, что въ это время началось возстаніе въ Польшѣ, и другъ его, Вой-

цеховскій, уѣхалъ обратно въ Варшаву, чтобы поступить волонтеромъ въ армію. Шопенъ желалъ послѣдовать его примѣру, но удержанный настоятельными просьбами родныхъ, не желавшихъ, чтобы онъ мѣнялъ карьеру артиста на военную, Шопенъ остался въ Вѣнѣ и принялъ мѣры для устройства своего концерта. Но въ виду разныхъ обстоятельствъ всѣ старанія его оставались напрасны. Расположеніе знакомыхъ артистовъ охладилось къ нему, а между вновь прибывшими въ Вѣну піанистами, большинство заботилось только о своихъ личныхъ успѣхахъ. Прежніе концерты Шопена посѣщались публикой безплатно; теперь же онъ не желалъ играть даромъ, что и было одной изъ причинъ, по которой онъ увидѣлъ себя почти всѣми оставленнымъ. Вѣроятно, и политическія соображенія, въ виду польской національности Шопена и бывшаго въ то время возстанія въ Польшѣ, также служили причиною охлажденія къ нему многихъ.

Печальныя событія, совершившіеся на его родинѣ, болѣзненно отзывались въ душѣ молодого артиста; его веселый характеръ сдѣлался серьезнымъ и раздражительнымъ. Къ этому времени относится любовь Ф. Шопена къ Констанціи Гладковской, оперной пѣвицѣ въ Варшавѣ. Одно изъ писемъ Шопена въ это время къ его другу Матушинскому мы приводимъ въ небольшомъ сокращеніи, такъ какъ изъ него видно, до какой степени Шопенъ былъ увлеченъ Гладковскою. Многія изъ первыхъ его сочиненій написаны подъ вліяніемъ этого чувства къ ней. Мечтая о Констанціи, Шопенъ написалъ адажіо въ своемъ концертѣ E—moll. Мысли о пѣвицѣ, не разъ принимавшей участіе въ его концертахъ, наполняли душу двадцатилѣтняго артиста, долго удерживая его въ Варшавѣ; когда въ день прощанья (30 ноября 1830) Констанція надѣла Шопену на память кольцо, какъ бы въ знакъ обрученія съ нимъ, онъ поклялся быть ей вѣрнымъ всю жизнь. Но не прошло и двухъ лѣтъ, какъ пѣвица Гладковская, которую Шопенъ называлъ своимъ «ангеломъ мира», позабывъ его клятву, вышла замужъ и навсегда оставила сцену. Передаемъ содержаніе письма Фридриха Шопена къ Ивану Матушинскому. «Вѣна, воскресенье, утро Рождества. Въ прошломъ году, въ это время, я былъ въ храмѣ бернардиновъ *); сегодня я одинокъ, но цѣлую дорогое мнѣ кольцо, и пишу. Милый другъ мой, я только что былъ у дивнаго скрипача Славика. За исключеніемъ Паганини, ничего подобнаго я не слыхалъ. Представь себѣ, девяносто шесть нотъ въ стокатто беретъ однимъ взмахомъ смычка! Кажется почти невѣроятнымъ! Послушавъ его игру, я пожелалъ вернуться домой и набросать варіаціи для фортепьяно и скрипки на тему адажіо изъ Бетховена; но, зайдя на почту и получивъ твое письмо, перемѣнилъ намѣреніе. Я плакалъ, читая эти строки, которыхъ ждалъ долго и съ нетерпѣніемъ; причина понятна тебѣ. Какъ я счастливъ, получивъ вѣсточку о моемъ «ангелѣ мира!» Только нежеланіе дѣйствовать противъ воли отца, удерживаетъ меня отъ возвращенія на родину! Мое положеніе ты поймешь, конечно, и что отъѣздъ Войцеховскаго еще болѣе ухудшилъ его. Безконечные обѣды, вечера, концерты и балы, на которыхъ я обязанъ бывать здѣсь такъ часто, только надоѣдаютъ мнѣ, нисколько не развлекая. Мнѣ грустно, я чувствую себя одинокимъ и покинутымъ; я не могу жить, какъ мнѣ хочется! Ежедневно почти я долженъ надѣвать фракъ, съ веселымъ лицомъ являться въ гостиныхъ и только, возвратясь домой, отвожу душу игрой на роялѣ, которому, какъ лучшему другу, я повѣряю жалобы на все мое горе. Здѣсь нѣтъ ни одной души, съ которой я могъ бы вполнѣ быть откровененъ; а самъ долженъ оказывать всѣмъ дружеское расположеніе. Впрочемъ, и здѣсь найдутся люди, по наружности мнѣ преданные, рисующіе даже портретъ мой, посѣщающіе меня нерѣдко; но они не могутъ замѣнить моихъ друзей. Внутренняго спокойствія, душевнаго мира недостаетъ мнѣ; я тогда только бываю покоенъ, когда читаю ваши письма и представляю себѣ изображеніе короля Сигизмунда *) или когда смотрю на дорогое для меня кольцо. Прости мнѣ эти жалобы, другъ мой; но когда я открываю душу тебѣ, мнѣ дѣлается легче на сердцѣ. Я привыкъ быть всегда откровеннымъ съ тобой. Получилъ-ли нашихъ мое письмо? Ты, быть можетъ, равнодушно прочелъ его, потому что ты не на чужбинѣ, какъ я, а въ своей милой родинѣ; твои же письма не одинъ разъ перечитываются мною. Докторъ Фрейеръ, сообщилъ много новостей изъ Варшавы и очень былъ радъ твоему письму, которое я прочелъ ему до извѣстныхъ строкъ. Содержаніе этихъ непрочитанныхъ ему строкъ было для меня невыразимо грустнымъ. Развѣ она дѣйствительно такъ измѣнилась? Не была-ли она больна? Этому можно повѣрить, при чрезвычайной ея впечатлительности. Но, можетъ быть, она только показалась тебѣ такою, или была чѣмъ-нибудь испугана? Сохрани ее небо отъ того, чтобъ не я былъ причиной ея страданій! Успокой ее и скажи, что, до тѣхъ поръ, пока бьется мое сердце, я не перестану обожать ее. Скажи ей, что я хочу, чтобы послѣ моей смерти былъ брошенъ къ ногамъ ея прахъ мой. Но все это такъ ничтожно въ сравненіи съ чувствомъ, которое я питаю къ ней! Я самъ готовъ къ ней писать и давно бы это сдѣлалъ, чтобы облегчить свое разбитое сердце; но если письмо мое случайно попадетъ въ чужія руки, то репутація ея пострадаетъ. Будь же истолкователемъ мыслей и чувствъ моихъ къ ней. Можетъ быть, я наскучилъ тебѣ своей страстью; но мнѣ тяжело скрывать отъ тебя, что волнуетъ мое сердце. Съ рекомендательными письмами въ Италію, я не знаю, что дѣлать. Родители предоставили мнѣ полную свободу; но я желалъ бы, чтобы они дали мнѣ положительный совѣтъ. Ѣхать-ли мнѣ въ Парижъ? Здѣсь мнѣ совѣтуютъ подождать. Не вернуться-ли мнѣ въ Варшаву? Оставаться-ли здѣсь? Покончить-ли съ собою преждевременною смертью? Не писать болѣе къ тебѣ? Посовѣтуй, что мнѣ дѣлать? Умоляю, спроси ее, и сообщи скорѣе ея рѣшеніе; какъ она скажетъ, такъ я и сдѣлаю! Мой портретъ, о которомъ только ты одинъ долженъ знать, очень удаченъ; если ты думаешь, что ей будетъ пріятно имѣть его, то я готовъ переслать къ ней портретъ съ однимъ изъ друзей, уѣзжающимъ вскорѣ въ Варшаву. До ухода на войну, напиши мнѣ еще разъ. Навѣщай чаще моихъ родныхъ и Констанцію. О концертахъ своихъ я теперь больше не думаю». Въ концѣ письма Шопенъ разрѣшаетъ показать письмо Констанціи, если другъ его найдетъ удобный къ тому случай, и даже предложить ей написать къ нему хотя одинъ только разъ. Въ день Новаго года (1831) Шопенъ писалъ къ тому же Матушинскому, между прочимъ, слѣдующее: «Очень сожалѣю о томъ, что я надѣлалъ послѣднимъ письмомъ своимъ; тогда я былъ полонъ отрадныхъ надеждъ, когда просилъ тебя быть истолкователемъ моихъ чувствъ къ ней; теперь же боязнь и сомнѣніе мучатъ меня. Можетъ быть, она смѣется надъ моимъ чувствомъ? А можетъ быть, и вовсе не любитъ меня? Странное что-то творится со мною! Мнѣ кажется, что я не въ Вѣнѣ, а дома, въ Варшавѣ, и что все, что я вижу и слышу здѣсь, — сонъ. Сегодня я въ такомъ настроеніи, что жить или умереть—для меня все равно! Скажи моимъ роднымъ, что мнѣ здѣсь очень весело, что я ни въ чемъ не нуждаюсь, что никогда не скучаю и вовсе не чувствую своего одиночества. Если же она посмѣется надо мной, то и ей повтори, что скажешь роднымъ; но если она будетъ говорить обо мнѣ съ теплымъ участьемъ, то скажи ей, что она можетъ быть спокойною, но только не забудь шепнуть, что вдали отъ нея мнѣ вездѣ грустно и что безъ нея я всегда одинокъ и несчастливъ!» Приведенныхъ отрывковъ изъ писемъ Шопена достаточно, чтобы дать понятіе съ какою силою страсти онъ любилъ въ первый разъ.

Въ первомъ полугодіи 1831 г. Шопенъ публично игралъ въ Вѣнѣ всего два раза; въ апрѣлѣ, на музыкальномъ утрѣ, данномъ пѣвицею Гарціа-Вестрисъ, и въ іюлѣ, въ своемъ концертѣ, непокрывшемъ даже сдѣланныхъ на него расходовъ. Отъѣздъ большинства богатыхъ фамилій изъ Вѣны, по случаю холерной эпидеміи, былъ тому причиною. Обманутый въ своихъ надеждахъ, Шопенъ уѣхалъ въ Мюнхенъ, гдѣ и прожилъ нѣсколько недѣль въ ожиданіи полученія отъ родныхъ денегъ для путешествія въ Парижъ. Въ Мюнхенѣ Шопенъ познакомился со всѣми первоклассными артистами, которые уговорили его принять участіе въ концертахъ филармоническаго общества. Сыгравъ въ одномъ изъ нихъ свой концертъ E—moll съ оркестромъ, Шопенъ произвелъ на публику чарующее впечатлѣніе, и былъ осыпанъ выраженіями сочувствія къ его необыкновенной игрѣ. Этотъ концертъ и былъ послѣднею лебединою пѣснью его въ Германіи. Ободренный нѣсколько своимъ успѣхомъ въ Мюнхенѣ, онъ уѣхалъ въ Штутгартъ, гдѣ и узналъ о взятіи Варшавы (8-го сентября 1831 г.). Подъ вліяніемъ этого извѣстія, онъ написалъ удивительный этюдъ C—moll, въ которомъ какъ бы слышатся раскаты грома. Въ концѣ сентября Шопенъ отправился въ Парижъ. На его паспортѣ была надпись: «passant par Paris à Londres» (т. е. проѣздомъ чрезъ Парижъ въ Лондонъ). Спустя много лѣтъ, когда Шопенъ принялъ уже французское подданство, онъ не разъ, смѣясь, говорилъ: «Я здѣсь только проѣздомъ».

Въ Парижѣ онъ былъ вскорѣ окруженъ своими земляками, искавшими пріюта во Франціи, по взятіи фельдмаршаломъ Паскевичемъ Варшавы. Успокоившись относительно судьбы своихъ родныхъ, Шопенъ, не расчитывавшій давать въ Парижѣ концерты и не желавшій терять напрасно время, обратился къ знаменитому пьянисту Калькбренеру, жившему въ Парижѣ, съ просьбою о принятіи его въ число учениковъ: Шопенъ сознавалъ незаконченность своего образованія, какъ композитора. Калькбренеръ предложилъ Шопену познакомить его съ своею игрой, и убѣдился, что желающему брать у него уроки — нечему учиться. Но Калькбренеръ не рѣшился сказать этого Шопену, а въ виду необыкновеннаго его таланта согласился на просьбу, желая считаться учителемъ такого пьяниста, какъ Шопенъ. Не угадывая мыслей Калькбренера, Шопенъ скромно выслушалъ его замѣчанія, хотя и выраженныя въ деликатной формѣ, объ отсутствіи у него хорошей школы; что Шопенъ, какъ виртуозъ и композиторъ, безъ сомнѣнія, одаренъ способностями, но легко можетъ впасть въ дурное направленіе, продолжая играть, какъ игралъ у него. Въ заключеніе Калькбренеръ поставилъ условіемъ своего согласія на просьбу Шопена, чтобы тотъ учился не менѣе трехъ лѣтъ у него. При всей скромности, Шопенъ былъ удивленъ такими замѣчаніями и не рѣшился тогда же согласиться на сдѣланное ему предложеніе. Сообщивъ въ Варшаву своему бывшему учителю, Эльснеру, о мнѣніи Калькбренера, Шопенъ просилъ совѣта. Въ отвѣтѣ Эльснеръ объяснялъ предложеніе Калькбренера чувствомъ зависти и рѣшительно отсовѣтывалъ напрасную потерю трехъ лѣтъ, при-

*) Въ эту церковь часто ходила Констанція Гладковская.

*) По сосѣдству съ памятникомъ королю Сигизмунду, въ Варшавѣ, находилась консерваторія, въ которой жила и училась Констанція Гладковская.

ПАРИЖСКІЙ САЛОНЪ 1879 ГОДА.

КАРТИНА ЖОФФРУА.

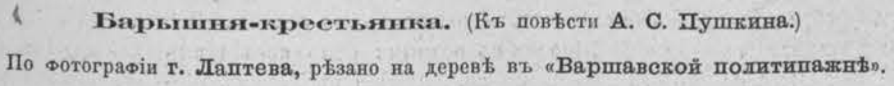

За сходство не ручаются.

Рѣзалъ на деревѣ **А. Шлиперъ.**

РУССКАЯ ГАЛЕРЕЯ.

РИСУНОКЪ КЕППЕНА.

Барышня-крестьянка. (Къ повѣсти **А. С. Пушкина.**)

По фотографіи **г. Лаптева**, рѣзано на деревѣ въ **«Варшавской политипажнѣ»**.

водя въ примѣръ славу Моцарта и Бетховена, какъ пьянистовъ, но что теперь игра ихъ забыта; а оперы, симфоніи, квартеты и другія ихъ произведенія пользуются и послѣ ихъ смерти извѣстностью. «Дѣйствительно прекрасное не можетъ быть усвоено подражаніемъ, а въ соединеніи съ собственнымъ творчествомъ должно быть прочувствовано. Границъ прекраснаго нельзя опредѣлять искуствомъ одного лица или даже суммой развитія цѣлой націи, только природный талантъ составляетъ предѣлъ совершенства въ этой области. Причина славы каждаго художника заключается единственно въ его геніальной индивидуальности, открывающейся въ его произведеніяхъ, будутъ-ли они изъ области музыки, литературы, живописи, скульптуры — одинаково!» Отвѣчая на это письмо, Шопенъ говоритъ: «Еще три года учиться для меня слишкомъ много. Впрочемъ, Калькбренеръ и самъ пришелъ теперь къ такому заключенію, слушая не разъ мою игру. Мнѣ ясно только одно, что никогда я не сдѣлаюсь ничьей копіей и что никто не въ состояніи будетъ сломить мою, быть можетъ, смѣлую, но твердую рѣшимость: создать новую эру въ искуствѣ». Шопенъ отказался отъ уроковъ Калькбренера; но, чтобы остаться съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ, посвятилъ ему свой E—moll концертъ. Прибывъ съ малыми денежными средствами въ Парижъ, безъ всякой протекціи и не желая просить болѣе помощи у отца, Шопенъ старался сокращать расходы свои насколько возможно и при этомъ еще дѣлился своимъ помѣщеніемъ съ бѣдными земляками. Разсчитывая улучшить свои средства концертомъ, онъ далъ этотъ концертъ 26-го февраля 1832 г., но публики явилось такъ мало, что сборъ не покрылъ расходовъ. Друзья Шопена совѣтовали ему бывать чаще въ обществѣ, для увеличенія круга знакомыхъ. Огорченный неудачей, онъ впалъ въ меланхолію и, видя, какъ земляки его, не находя занятій во Франціи, переселялись въ Америку, рѣшился и самъ попытать счастья вдали отъ Европы, о чемъ и сообщилъ своимъ роднымъ; но тѣ были совершенно другого мнѣнія и убѣждали Шопена оставаться въ Парижѣ или вернуться въ Варшаву. Любовь къ родинѣ побудила его собраться уѣхать къ своимъ и, несмотря на просьбы Листа, Гиллера и другихъ извѣстныхъ пьянистовъ, съ которыми Шопенъ сблизился въ Парижѣ, не оставлять ихъ, онъ простился съ ними и назначилъ день своего отъѣзда; но случайная встрѣча наканунѣ отъѣзда съ княземъ Радзивиломъ, братомъ Антона Радзивила, измѣнила его намѣреніе. Узнавъ отъ Шопена о рѣшеніи его оставить навсегда Парижъ, князь взялъ съ него слово провести этотъ послѣдній вечеръ у Ротшильда. Въ блестящихъ салонахъ царя биржи Шопенъ увидѣлъ почти всю аристократію столицы Франціи. И когда хозяйка любезно пригласила его что-нибудь сыграть, то Шопенъ импровизировалъ съ такимъ увлеченіемъ, какъ быть можетъ никогда впослѣдствіи. Всѣ присутствующіе были восхищены его игрою и одинъ за другимъ спѣшили выразить удивленіе къ его необыкновенному таланту. На этомъ же вечерѣ онъ получилъ нѣсколько приглашеній давать уроки въ лучшихъ домахъ Парижа. Будущее снова улыбалось Шопену и онъ рѣшилъ не покидать Францію. Одновременно съ восходившею счастливою звѣздой Шопена, какъ пьяниста, росла извѣстность его, какъ композитора, въ музыкальномъ мірѣ, несмотря на мнѣніе такихъ знаменитостей, какъ Мошелесъ и Фильдъ, считавшихъ Шопена революціонеромъ въ музыкѣ за нерѣдкія отступленія его отъ принятыхъ всѣми образцовъ. Послѣдній, въ особенности, не признавалъ заслугъ Шопена и открыто называлъ его: «un talent de chambre de malade!» (т. е. талантомъ для комнаты больного).

Подобное мнѣніе о Шопенѣ отчасти раздѣлялось въ Германіи; но оно вскорѣ измѣнилось въ его пользу подъ вліяніемъ энергическихъ отзывовъ такихъ музыкальныхъ критиковъ, какъ Езебіусъ и Флорестанъ, которыхъ вывелъ на арену критики Робертъ Шуманъ въ своей «Новой газетѣ для музыки» (Neue Zeitschrift für Musik). Громадная извѣстность Шопена въ парижскихъ салонахъ была причиною многочисленныхъ просьбъ со стороны артистовъ о принятіи участія на ихъ концертахъ, такъ какъ талантъ его служилъ магнитомъ для публики. Одинъ изъ товарищей Шопена, Орловскій, писалъ въ то время въ Варшаву: «Шопенъ вскружилъ головки всѣмъ аристократкамъ въ Парижѣ, мужья которыхъ относятся къ нему весьма ревниво. Онъ въ большой модѣ; только тоска по родинѣ снова овладѣла Шопеномъ». Почти тоже говорилъ одинъ изъ друзей его, Матушинскій, пріѣхавшій въ Парижъ (1834) для изученія медицины. «Прежде всего, я отыскалъ Шопена, съ которымъ не видался втеченіи пяти лѣтъ. Я нашелъ его такимъ возмужалымъ, что едва узналъ. Шопенъ положительно первый теперь пьянистъ въ Парижѣ. Онъ имѣетъ много уроковъ, съ платой не менѣе двадцати франковъ, и написалъ множество сочиненій, которыя быстро раскупаются. Я живу вмѣстѣ съ нимъ, въ улицѣ Chaussée d'Antin № 5». По совѣту бывшаго учителя своего, Эльснера, Шопенъ рѣшился написать оперу, на сюжетъ изъ исторіи Польши. Съ этою цѣлью, онъ обратился къ одному изъ пріятелей, земляковъ, съ просьбою написать историческое либрето; но боязнь, что сюжетъ его оперы можетъ послужить поводомъ къ дипломатическому вмѣшательству нашего посланника и повліяетъ на самую возможность ея постановки, Шопенъ отложилъ свое намѣреніе. Въ февралѣ 1834 г. онъ далъ второй концертъ въ Парижѣ, въ зданіи итальянской оперы. Театръ былъ полонъ избранной публикой; все обѣщало несомнѣнный успѣхъ; но ожиданія Шопена не оправдались. Въ большомъ театрѣ его поэтическая, нѣжная игра не произвела желаемаго впечатлѣнія на слушателей. Вслѣдствіе этой неудачи, Шопенъ потерялъ охоту давать концерты и съ этого времени отказался отъ артистическихъ поѣздокъ, сдѣлавъ исключеніе только для своего друга, Орловскаго, давшаго концертъ въ Руанѣ, въ которомъ онъ и принялъ участіе.

Шопенъ откровенно говорилъ Листу: «Я неспособенъ давать концерты, потому, что публика пугаетъ меня, ея дыханіе какъ бы душитъ меня; любопытные взгляды незнакомыхъ людей парализируютъ мои силы. Я не могу хладнокровно и спокойно видѣть себя окруженнымъ чужими. Но вы призваны играть въ публикѣ, потому что если вамъ не удается заслужить ея сочувствіе и одобреніе, то вы въ состояніи всегда потрясти и оглушить ее своею игрой». Въ маѣ 1834 г. Шопенъ въ первый разъ рѣшился оставить на время своихъ учениць для поѣздки съ пьянистомъ Гиллеромъ въ Ахенъ, на музыкальное торжество, происходившее подъ управленіемъ Мендельсона. Въ Ахенѣ Шопенъ сошелся ближе съ Мендельсономъ, который радушно принялъ его, и въ письмѣ къ своей матери говорилъ о немъ: «Я нашелъ игру Шопена еще болѣе совершенною; какъ пьянистъ, онъ можетъ считаться наилучшимъ изъ всѣхъ современныхъ ему артистовъ. Шопенъ, какъ Паганини на скрипкѣ, производитъ удивительныя вещи на фортепьяно, которымъ только очевидецъ можетъ повѣрить. «Въ іюлѣ 1835 г. Шопенъ видѣлся съ своимъ отцемъ и матерью въ Карлсбадѣ, куда по совѣту докторовъ былъ посланъ его отецъ, для леченья. Это свиданіе Шопена съ родными было послѣднимъ въ его жизни. По возвращеніи въ Парижъ Шопенъ не оставлялъ его до іюля 1836 г. когда, подъ предлогомъ леченья уѣзжалъ въ Маріенбадъ, чтобы сдѣлать предложеніе сестрѣ одного изъ своихъ друзей. Прошло уже четыре года, какъ предметъ его первой любви измѣнилъ ему. Констанція Гладковская вышла замужъ въ 1832 г. Время залечило сердечную рану Шопена; но зимою 1835 г. пріѣхалъ въ Парижъ одинъ изъ бывшихъ воспитанниковъ пансіона отца Шопена, Водзинскій съ своими родными. Познакомясь съ ними, Шопенъ влюбился въ сестру его, Марію и, увидѣвъ расположеніе ея къ себѣ, сдѣлалъ ей въ Маріенбадѣ предложеніе. Тамъ же, по полученіи согласія родныхъ, состоялось формальное обрученіе. На возвратномъ пути Шопенъ прожилъ нѣсколько счастливыхъ недѣль съ семействомъ невѣсты въ Дрезденѣ. Къ нему вернулась его прежняя юношеская веселость. Онъ мастерски подражалъ извѣстнымъ виртуозамъ и передавалъ ихъ привычки до мельчайшихъ подробностей. Часто играя мазурки, полныя грустныхъ мелодій, онъ сокращалъ ритмъ, чтобъ показать, какъ слѣдуетъ играть ихъ, для танцевъ. Въ это время, когда Шопенъ предавался отрадной надеждѣ быть вскорѣ счастливымъ мужемъ, у него созрѣлъ планъ вернуться на родину, покинувъ навсегда свое второе отечество, Францію. Онъ мечталъ о жизни въ имѣніи родныхъ жены, близъ Варшавы, объ устройствѣ народныхъ школъ и, не заботясь болѣе о славѣ, въ тишинѣ сельской жизни желалъ заниматься своимъ любимымъ искуствомъ. Съ этими мыслями Шопенъ простился въ Дрезденѣ съ невѣстой и черезъ Лейпцигъ вернулся въ Парижъ, для окончанія своихъ дѣлъ. Какой же ударъ сердечному чувству вынесъ Шопенъ, когда онъ получилъ извѣстіе, что и вторая его невѣста измѣнила ему. Марія Водзинская раздумала сдѣлаться женою Шопена и вышла за какого-то графа. Это глубоко потрясло Шопена и имѣло печальныя послѣдствія на всю его будущность. Увидѣвъ свои надежды на семейную жизнь разбитыми, Шопенъ бросился въ объятія первой женщины, сказавшей ему «люблю».

(Окончаніе слѣдуетъ.)

За сходство не ручаются. Миленькая сценка Жоффруа, появившаяся въ парижскомъ «Салонѣ» нынѣшняго года и помѣщаемая въ копіи у насъ въ настоящемъ нумерѣ нашего журнала, изображаетъ мастерскую художника, гдѣ изволитъ хозяйничать маленькая дочь художника, пишущая портретъ съ какого-то зашедшаго въ мастерскую уличнаго мальчугана — можетъ быть, сына привратника или молочницы. «Художница» вѣрно подражаетъ пріемамъ своего отца, «натура» стоитъ неподвижно, «портретъ» пишется необыкновенно быстро, но... но за сходство не ручаются! Въ сценкѣ много юмора, позы дѣтей прекрасны.

Въ отсутствіи господина. Картина Гроллерона, появившаяся на послѣдней парижской выставкѣ, очень характерна. Этотъ лакей, наслаждающійся, въ отсутствіи барина, барскими сигарами и барскимъ виномъ, крайне типиченъ. Художникъ не забылъ дать лакею и газету, приличную лакеямъ: лакей держитъ «Figaro».

Шутъ. Шутъ! Всегда-ли это веселый человѣкъ, всегда-ли это глупецъ? Едва-ли. По большей части, «шуты», «дураки» и «скоморохи» при дворахъ старинныхъ правителей и вельможъ были людьми недюжинными, неглупыми и очень часто людьми невеселыми. Они потѣшали другихъ, но не потѣшались сами; ихъ видимый смѣхъ часто скрывалъ невидимыя слезы. Художники и поэты часто старались изобразить это противорѣчіе: умъ дурака, слезы скомороха, глубокія думы шута. Такихъ

шутовъ-философовъ, такихъ шутовъ-несчастливцевъ вы найдете и у Шекспира и у Виктора Гюго, и у Замаконса и т. д. Картина Я. Матейко воспроизводитъ именно такой образъ шута, бросившаго свою погремушку, забывшаго о маскарадномъ шумѣ во дворцѣ, глубоко задумавшагося въ уединеніи... О чемъ онъ думаетъ? О своей несчастной семьѣ, о своей жалкой долѣ, о наглости окружающихъ его людей, о появившейся на небѣ кометѣ и о томъ, что можетъ быть она предвѣщаетъ близкій конецъ свѣта, близкую кару всѣмъ виновнымъ? Поза и выраженіе лица шута превосходны.

Барышня-крестьянка, Сельская музыка и Гротъ въ Виргиніи. Напоминать содержаніе прелестной повѣсти А. С. Пушкина, къ которой относится илюстрація г. Кеппена, намъ нечего: читатели, конечно, знаютъ все, что написано нашимъ великимъ поэтомъ. Гротъ въ Виргиніи мы не описываемъ здѣсь по недостатку мѣста и переносимъ описаніе его въ слѣдующій нумеръ нашего журнала. О картинѣ Деффрегера говорить нечего: талантъ этого художника уже извѣстенъ нашимъ читателямъ, а содержаніе этой наивной и тихой сценки ясно само-собою.

Правительственное сообщеніе.

Въ «Правительствнномъ Вѣстникѣ» напечатано слѣдующее правительственное сообщеніе:

«Нѣкоторая часть русской періодической печати, обративъ въ послѣднее время особенно живое вниманіе на внутреннюю политику иностранныхъ правительствъ, и увлекаясь въ этомъ случаѣ пріемами извѣстныхъ органовъ иностранной печати, усвоившихъ себѣ по отношенію къ Россіи и ея политики враждебный и до неприличія рѣзкій тонъ, впадаетъ въ тѣже крайности.

«Страстность сужденій нашей печати о внутреннихъ вопросахъ, волнующихъ то или другое государство, и о видоизмѣненіяхъ въ ихъ внѣшней политикѣ, граничитъ нерѣдко съ злоупотребленіемъ печатнымъ словомъ. Отзывы ея объ иноземныхъ правительствахъ и руководящихъ государственныхъ дѣятеляхъ переступаютъ предѣлы благоразумной сдержанности.

«Правительство, отмѣчая такое настроеніе печати съ рѣшительнымъ неодобреніемъ, находитъ его несовмѣстнымъ ни съ дружественными отношеніями нашими ко всѣмъ иностраннымъ государствамъ, ни съ серьезнымъ взглядомъ печати на ея патріотическія обязанности».

Смѣсь.

— Буря въ Петербургѣ. Свирѣпствовавшая два дня къ ряду, 23 и 24 августа, буря понадѣлала не мало бѣдъ въ Петербургѣ. Извлекаемъ слѣдующія подробности о ней изъ газеты «Голосъ». 23 августа, вода въ рѣкахъ и каналахъ поднялась болѣе, чѣмъ на сажень выше ординара и мѣстами выступила изъ береговъ, затопивъ наиболѣе низменныя мѣстности города. Часть Крестовскаго, Елагина, Петровскаго и Каменнаго острововъ, Новая деревня, зоологическій садъ и нѣкоторыя другія прибрежныя мѣста невскаго устья съ утра уже были подъ водою; въ Галерной гавани нижніе этажи буквально залиты водою. Съ полудня было пріостановлено конное движеніе по плашкоутнымъ мостамъ, поднятымъ сильнымъ напоромъ воды, а частые пушечные выстрѣлы возвѣстили обитателямъ подвальныхъ помѣщеній объ угрожающей опасности. Ночью, при температурѣ всего 11° по Реомюру, надъ городомъ и его окрестностями разразилась сильная гроза, сопровождавшаяся ливнемъ съ крупнымъ градомъ. Въ этотъ день на Выборгской сторонѣ вѣтромъ снесло длинный и высокій деревянный заборъ, ограждавшій садъ, принадлежащій пересыльной тюрьмѣ. На Пантелеймоновской улицѣ съ одного дома сорвало всю крышу. Въ 5-мъ часу пополудни, вода выступила на дворцовой набережной и на Фонтанкѣ, у дома графа Шереметева. Лѣтній садъ былъ закрытъ для публики. Тамъ съ неимовѣрною силою вѣтеръ ломалъ и вырывалъ съ корнемъ деревья, разнося во всѣ стороны сада сучья и листья. На Воскресенскій мостъ навалило до десятка нагруженныхъ барокъ. Въ 9½ часовъ вечера, вѣтеръ внезапно утихъ и вода пошла на убыль. 24 августа вѣтеръ снова перемѣнился и вода стала прибывать. Въ этотъ день буря была еще сильнѣе. Вѣтеръ срывалъ вывѣски, коробилъ и срывалъ крыши, валилъ заборы, вырывалъ съ корнями деревья. Гребной портъ, близъ Галерной гавани, затопило и команда его была свезена въ гавань. Къ берегу Галерной гавани прибило массу лѣса, разбитыхъ барокъ и дровъ. Суворовскій кварталъ былъ покрытъ водою до Смоленскаго поля и вода по Большому проспекту бушевала какъ въ рѣкѣ, поднявшись аршина на 2 и доходя людямъ по горло. Крестовскій, Елагинъ, Каменный и часть Аптекарскаго острововъ значительно пострадали. На Крестовскомъ вода вливалась въ береговыя дачи и стояла на ½ аршина въ домахъ; мостики со скамьями у дачъ сорвало и разрушило. Второй Елагинъ мостъ испорченъ съ обоихъ концовъ, со стороны Крестовскаго и особенно со стороны Елагина, гдѣ берегъ у моста совершенно размыло. Осыпалась также на значительное разстояніе дамба, идущая по Елагину, со стороны Средней Невки. У елагинской стрѣлки оторвало берегъ на нѣсколько десятковъ саженей и забросало его множествомъ обломковъ отъ купаленъ и плотовъ. Каменный островъ былъ почти весь подъ водой, напиравшей со всею силою съ Средней Невки; вода на дачахъ этого острова доходила до четырехъ футовъ и залила рельсы конножелѣзной дороги, которые были, сверхъ того, загромождены упавшими деревьями, противъ дачи великой княгини Екатерины Михаиловны. Строгоновъ мостъ также размыло со стороны Черной рѣчки и снесло много балокъ съ мостовыхъ ледорѣзовъ, впрочемъ, довольно ветхихъ. Черная рѣчка наполнилась водою, гонимою съ Большой Невки, и вышла изъ береговъ, затопивъ дачи отъ Коломяжской улицы до Носкова переулка. Набережная вдоль рельсовъ конножелѣзной дороги, идущихъ по Новой деревнѣ, во многихъ мѣстахъ значительно размыта, хотя вода съ Большой Невки не выступала изъ береговъ дальше, какъ у «Ливадіи»; но «Ливадія» и Старая деревня испытали также наводненіе. На Каменноостровскомъ проспектѣ пострадали нѣкоторыя дачи, особенно Громова, а также сады и огороды отъ разлива рѣки Карповки. Далѣе, къ Александровскому парку, была залита водою Троицкая площадь. О несчастіи съ людьми ни откуда не слышно. Все ограничилось массою поломанныхъ и вывороченныхъ съ корнями деревъ (особенно на островахъ Каменномъ, и именно на двухъ дачахъ Его Величества, и на Крестовскомъ), снесенныхъ крышъ, поломанныхъ заборовъ, и купаленъ. Въ Екатерингофѣ только при помощи лодокъ поддерживалось сообщеніе. Изъ Лахты и Голодая получены самыя печальныя извѣстія, особенно съ острова Голодая, гдѣ затоплены керосиновые склады. Рабочіе, находящіеся на Канонерскомъ островѣ для прорытія морского канала, въ числѣ 262 человѣкъ, находились въ большой опасности. Туда былъ посланъ пароходъ съ баркасомъ и матросами 8-го флотскаго экипажа, но вслѣдствіе сильнаго шторма, помочь рабочимъ было невозможно, и благодаря лишь неустрашимымъ рыбакамъ успѣли всѣхъ рабочихъ спасти и перевезти въ безопасное мѣсто. При этомъ одна лодка съ тремя рыбаками была опрокинута волною, но подоспѣвшіе другіе рыбаки вытащили ихъ. Собственно въ городѣ наиболѣе пострадали слѣдующія части: васильевская, выборгская, петербургская, нарвская, коломенская, казанская и адмиралтейская. Подвалы, въ которыхъ, большею частью, помѣщаются разныя лавки, наполнились водою болѣе аршина. По нѣкоторымъ улицамъ вода выступила наружу изъ водосточныхъ подземныхъ трубъ. Обитателямъ подваловъ пришлось выбираться въ верхніе этажи и на лѣстницы домовъ. Порывами вѣтра срывало съ домовъ части крышъ, и онѣ съ страшнымъ грохотомъ падали на улицы; сорваннымъ вывѣскамъ нѣтъ счету. На многихъ улицахъ вода образовала провалы. Во всѣхъ садахъ, скверахъ и паркахъ повалено и сломано огромное число деревьевъ, особенно же на островахъ, какъ наиболѣе открытыхъ мѣстностяхъ. На Невѣ этою бурею тоже не мало причинено бѣдъ. Выше Воскресенскаго моста, стоявшія у берега, противъ казармъ кавалергардскаго полка, затонули двѣ барки съ дровами и разбито судно съ пескомъ. Отъ берега Васильевскаго острова оторвало пристань финляндскаго пароходства и принесло къ сенату, гдѣ ее успѣли укрѣпить. Перевозныя пристани почти всѣ поломаны, особенно же пострадала гагаринская. Напоромъ воды, по набережной Большой Невы, сдвинуло много парапетныхъ камней; а у неоконченнаго еще берега, около строющагося Литейнаго моста, образовались большія промоины; берегъ р. Фонтанки размыло болѣе, чѣмъ на 25 сажень.

— Буря въ Екатеринославлѣ. Нѣсколько дней назадъ надъ Екатеринославлемъ пронесся страшный ураганъ, съ проливнымъ дождемъ и градомъ и причинилъ многимъ жителямъ громадныя потери. Особенно пострадали живущіе въ низменныхъ частяхъ города и кирпичные и костеобжигательные заводы. Во время проливного дождя, на заводѣ, арендуемомъ Абрамовичемъ, жгли кирпичъ; дождевые потоки хлынули рѣкою въ печь, служащую для выпалки кирпича, вслѣдствіе чего огонь зажегъ навѣсъ надъ печью, а бывшій въ ней кирпичъ превратился въ грязь; убытка понесено однимъ этимъ заводомъ до 10,000 р. Двухъ мальчиковъ вытащили изъ канавы, куда они занесены были водою. Погибло болѣе сотни свиней, которыхъ дождевая вода канавами унесла въ Днѣпръ. Въ самомъ центрѣ города, вода выступила изъ канавъ и покрыла улицы на одинъ аршинъ. Не только ходить не было никакой возможности, но никто, даже и извощики не рѣшались ѣздить.

— Новая желѣзная дорога. По словамъ «Голоса» въ министерствѣ финансовъ возбуждено ходатайство о проведеніи желѣзной дороги отъ Илецка до Оренбурга, на соединеніе съ оренбургскою дорогою. На этотъ разъ ходатайство возбуждено со стороны арендаторовъ илецкаго казеннаго соляного промысла и мотивируется, какъ слышно, тѣмъ, что перевозка соли отъ Илецка до Оренбурга, на разстояніи 68 верстъ, обходится сравнительно дорого и, возвышая цѣнность илецкой соли, препятствуетъ распространенію района ея потребленія и вообще развитію этого богатаго мѣсторожденія соли.

— Экспедиція къ устью Аму-Дарьи. Для изслѣдованія стараго русла Аму-Дарьи, между Аральскимъ и Каспійскимъ морями, и для подробнаго изученія вопроса о возможности направить Аму-Дарью по старому ея теченію, къ Каспійскому морю, въ настоящее время, по соглашенію министерствъ военнаго и путей сообщенія, снаряжается экспедиція. Первоначально ее предполагалось раздѣлить на три партіи: хивинскую, красноводскую и амударьинскую; хивинскую и красноводскую для работъ въ степи, между Хивою и Красноводскомъ, амударьинскую —для изученія вопросовъ, касающихся самой Аму-Дарьи и ея дельты. Всѣ три партіи должны были выѣхать на мѣста еще въ нынѣшнемъ году и единовременно приступить къ работамъ. Но, вслѣдствіе безпокойствъ въ туркменскихъ степяхъ, это оказалось невозможнымъ и нынѣ отправлено только амударьинская партія. Отъѣздъ же двухъ степныхъ партій отложенъ до января, съ тѣмъ, чтобъ онѣ могли прибыть на мѣста къ концу февраля и приступить къ работамъ въ мартѣ.

— Добрый почин. «Рус. Вѣд.» сообщаютъ изъ Калязина, что тамъ, по почину предводителя дворянства, П. В. Неронова, устроивается педагогическая библіотека для сельскихъ учителей уѣзда. Они будутъ имѣть право получать книги на домъ, равно какъ библіотека будетъ пополняться по указаніямъ тѣхъ же учителей. Уже положено прочное начало библіотекѣ, что между прочимъ, достигнуто любительскимъ спектаклемъ, въ которомъ принимала участіе симпатичная и даровитая артистка московскихъ императорскихъ театровъ М. Н. Ермолова. Спектакль далъ чистаго дохода болѣе 200 руб., что доставитъ богатое приращеніе книгъ библіотекѣ, имѣющей несомнѣнно полезное назначеніе.

— Новый телескопъ для пулковской обсерваторіи. Газета «New-Iork Herald» сообщаетъ, что

начальникъ пулковской обсерваторіи, знаменитый астрономъ Отто Струве, прибылъ, въ сопровожденіи сына своего Германна, въ Уашингтонъ, чтобъ осмотрѣть морскую обсерваторію Соединенныхъ Штатовъ и испробовать силу большого экваторіальнаго телескопа. Цѣль пріѣзда его въ Соединенные Штаты заключается въ томъ, чтобъ заключить условія о сооруженіи для русской обсерваторіи такого телескопа, окуляръ котораго былъ бы такой величины, какая только можетъ быть произведена фирмою Альвэнъ Кларкъ и К°, въ Кэмбриджѣ (въ Масачузетсѣ), такъ какъ русское правительство желаетъ имѣть такой инструментъ, который нетолько поставилъ бы пулковскую обсерваторію во главѣ всѣхъ астрономическихъ учрежденій, но и утвердилъ бы за нею это положеніе на будущія времена.

— **Порча воды въ Невѣ.** По наблюденіямъ доктора Гюбнера, вода въ Невѣ, въ послѣднее десятилѣтіе, съ каждымъ годомъ становится мутнѣе и совершенно перемѣнила свой цвѣтъ. Въ настоящее время и втеченіи всего лѣта вода въ Невѣ желтобураго цвѣта и поразительно мутна. Въ существованіи этого прискорбнаго явленія легко убѣдиться, наблюдая воду даже съ лодки или парохода. Что сдѣлалось съ «красавицей Невой» и отчего въ ней, еще недавно прозрачная, какъ кристалъ, съ легкимъ синеватымъ отливомъ, вода стала уподобляться водѣ нашихъ грязныхъ каналовъ. Вопросъ въ высшей степени серьезный для всего населенія столицы.

— **Чума.** Изъ Перы пишутъ въ аугсбургскую «Allgemeine Zeitung», отъ 26 го августа: «Изъ Керманшаха, въ Персіи, лежащаго близь турецкой границы на большой дорогѣ, ведущей въ Багдадъ, телеграфируютъ, что тамъ появилась чума. Вѣсти еще серьезнѣе доходятъ изъ Иемена, судя по которымъ чума тамъ свирѣпствуетъ съ самаго марта, особенно среди горныхъ племенъ въ Асирѣ (между собственно Йеменомъ и священными городами Меккою и Мединою). Тамошнія власти до сихъ поръ скрывали появленіе чумы, такъ что слухъ о ней только недавно дошелъ до здѣшняго международнаго санитарнаго совѣта; теперь же правительство немедля послало туда комисара съ порученіемъ изслѣдовать положеніе дѣла и принять необходимыя мѣры».

— **Еще случай самосожженія.** Кореспондентъ газеты «Кавказъ» сообщаетъ, что въ Баязетѣ 20-го іюля сгорѣла молодая женщина, лѣтъ 17. Семья, гдѣ жила бѣдная погибшая женщина, состояла изъ старухи свекрови и трехъ ея сыновей. Сгорѣвшая была женою старшаго изъ братьевъ и только шесть мѣсяцевъ замужемъ. Говорили, что старуха характера недобраго, что она обращалась съ своею невѣсткою жестоко, заставляя ее работать не по силамъ, не отпуская ее ни на шагъ изъ дома; вообще были отзывы, что притѣсненіямъ молодой женщины не было конца. Въ день происшествія, говорятъ, старуха заперла свою невѣстку на замокъ, а сама куда-то ушла. Молодая женщина, для которой, вѣроятно, жизнь сдѣлалась не по силамъ, искала средства къ самоубійству и нашла одно изъ самыхъ ужасныхъ. Она стала на табуретку, достала висячую лампу, разбила ее, и обливъ себя нефтью, платье свое сама же подожгла спичкою. Свекровь, возвратившись домой, нашла ее еще живою. Несчастная тутъ же потребовала священника, исповѣдовалась и совершенно спокойно и отчетливо произносила слова молитвы до причастія.

— **Новое музыкальное общество.** Намъ сообщаютъ, что въ г. Вѣрномъ, семирѣченской области, туркестанскаго генералъ-губернаторства, ожидается съ большимъ интересомъ утвержденіе устава Вѣрненскаго музыкальнаго общества, представленнаго на утвержденіе подлежащей высшей правительственной власти. Починъ въ дѣлѣ учрежденія общества всецѣло принадлежитъ Д. С. Шнайдръ, преподавателю музыки и пѣнія въ вѣрненскихъ мужской и женской прогимназіяхъ, а содѣйствіе этому дѣлу — военному губернатору Г. А. Колпаковскому. При обществѣ предполагается открыть музыкальные классы, въ которыхъ будутъ преподаваться: теорія музыки, игра на фортепіано, скрипкѣ, флейтѣ и корнетъ-пистонѣ и пѣніе.

— **Дуэли между женщинами.** Изъ Нью-Іорка сообщаютъ, что за послѣдній мѣсяцъ было шесть дуэлей между молодыми дѣвушками. Отчетъ о послѣдней дуэли особенно интересенъ. Противницы—дѣвицы Эвелина Мэнсонъ и Дженни Лэндсгемъ были пансіонскія подруги, которыя и по окончаніи курса поддерживали свое знакомство въ свѣтѣ. Дуэль между ними была вызвана—вы ни за что не угадали бы сами—ссорой изъ-за карточной игры! Дуэль на револьверахъ должна была происходить такъ, что противницы шли на разстояніи, какое онѣ сами назначили, другъ на друга и должны были обмѣняться тремя выстрѣлами. Миссъ Эвелина Мэнсонъ выстрѣлила первая два раза и стала выжидать. Тогда миссъ Дженни Лэндсгемъ, выдвинувшись на пять шаговъ, сдѣлала свой первый выстрѣлъ и пуля ея попала въ правую руку ея соперницы. Послѣдняя вскрикнула отъ боли и упала въ обморокъ. Секундантами были помощницы начальницы пансіона, въ которомъ воспитывались молодыя дѣвушки. Рана миссъ Дженни заставляетъ отнять руку у несчастной дуэлистки.

— **Бракъ принца съ наѣздницей.** Газеты сообщаютъ о предстоящей свадьбѣ принца Генриха Рейса съ извѣстною наѣздницею Клотильдою Луассе (настоящее ея имя Ру); молодой принцъ въ близкомъ родствѣ съ нынѣшнимъ княземъ Болгаріи Александромъ. Иностранныя газеты не хотѣли вѣрить этому слуху и увѣряли, что семейство принца никогда не допуститъ такой mesalliance, а принцъ находится въ денежномъ отношеніи въ совершенной зависимости отъ своихъ родителей. То, что казалось невозможнымъ, сбылось на-дняхъ, и этотъ бракъ состоялся въ Гельголандѣ. Новобрачные пробудутъ на этомъ островѣ еще нѣсколько дней. «National Zeitung» по этому поводу замѣчаетъ, что эта свадьба съ общей точки зрѣнія замѣчательна: до сихъ поръ еще высшая аристократія не снисходила ниже ступени актрисъ и пѣвицъ и еще никто изъ графовъ и бароновъ не вступалъ въ бракъ съ наѣздницами и акробатками; правда, что г-жа Луассе принадлежитъ къ аристократіи цирка и что ее даже воспѣваетъ въ своихъ произведеніяхъ Фрейлихратъ, одинъ изъ видныхъ поэтовъ Германіи. Принцъ Генрихъ Рейсъ родился въ 1852 году, онъ третій сынъ прица Генриха II младшей линіи и принцессы Клотильды, дочери Фридриха-Людвига Кастельскаго.

— **Любопытный процесъ.** Одинъ изъ обитателей Майнца, наскучивъ жизнію, вздумалъ повѣсится. Къ счастію, его скоро увидали; веревка была немедленно перерѣзана, всѣ нужныя пособія оказаны, и къ вечеру «удавленникъ», какъ ни въ чемъ не бывало, расхаживалъ опять между живыми. Но о происшествіи узнало общество застрахованія жизни, членомъ котораго состоялъ «удавленникъ», и немедленно потребовало отъ него болѣе высокой преміи, такъ какъ попыткой удавленія нанесенъ произвольный ущербъ застрахованному здоровью. «Удавленникъ» не хочетъ платить возвышенной преміи, и не хочетъ также прекратить страхованіе. Общество предъявляетъ въ свою очередь искъ о признаніи за нимъ права вычеркнуть «удавленника» изъ числа застрахованныхъ. На чьей сторонѣ право?

— **Пушки изъ папки.** Во время бывшаго недавно въ Лондонѣ засѣданія гражданскихъ инженеровъ, одинъ изъ ораторовъ доказывалъ, что сталь лучше всего могла-бы быть замѣнена при выдѣлкѣ орудій—пресованой бумагой, изъ которой въ Америкѣ давно уже выдѣлываютъ не только прекрасный матеріялъ для построекъ, но даже колеса желѣзно-дорожныхъ вагоновъ. По мнѣнію лондонскаго инженера, бумага съ помощью гидравлическаго давленія упресовывается такъ хорошо, что принимаетъ всѣ свойства стали, не уступая даже ей въ упругости и имѣетъ то преимущество предъ послѣдней, что несравненно легче ея. Проектъ «бумажныхъ орудій» сперва удивилъ всѣхъ, присутствующихъ на этомъ собраніи, но послѣ продолжительныхъ преній и горячихъ споровъ, нашелъ многихъ сторонниковъ возможности осуществленія этого проекта. Большинствомъ голосовъ рѣшено приступить немедно къ подробному изслѣдованію и начать опыты надъ этимъ интереснымъ проектомъ.

— **Вѣрное средство.** Два пріятеля разсуждали о женитьбѣ:

А. Во чтобы то ни стало женюсь на ней! Партія для меня самая подходящая — дѣвушка съ состояніемъ, красива, хорошей семьи... Одно только меня смущаетъ: я до сихъ поръ не могъ себѣ составить ни малѣйшаго понятія объ ея умѣ.

Б. Ну, это не трудно. Попробуй только ей сдѣлать предложеніе—если она согласится, то можно сказать навѣрное, что она глупа.

ОТЪ РЕДАКЦІИ. I. Нѣкоторые изъ гг. подписчиковъ, сообщая Редакціи о перемѣнѣ своего мѣстожительства, спрашиваютъ, сколько слѣдуетъ имъ заплатить за перемѣну адреса. Размѣръ платы, указанный въ № 6 «Жив. Об»., слѣдующій:

1) При перемѣнѣ петербургскаго адреса на иногородный . . . . 1 р. 85 коп.
2) Иногороднаго на петербургскій . . . . 1 » » »
3) Иногороднаго на иногородный . . . . — » 24 »

Редакція покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ, не выславшихъ денегъ за перемѣну адреса, соблаговолить ихъ выслать.

II. Всѣ имѣвшіеся въ Редакціи экземпляры олеографической картины «Графиня Потоцкая» разошлись. Редакція сдѣлала новый заказъ этой картины въ Берлинѣ. По полученіи оттуда картины, она немедленно будетъ выслана гг. подписчикамъ, приславшимъ на полученіе ея деньги. Редакція проситъ извинить ее за невольное замедленіе высылки требуемой картины.

III. Изъ книгъ Редакціи видно, что нѣкоторые изъ гг. петербургскихъ подписчиковъ, внесшихъ плату за годовое изданіе журнала, до сихъ поръ не получили слѣдуемыхъ имъ премій. Напоминаемъ, что преміи выдаются въ конторѣ журнала (Новая улица (подлѣ Невскаго проспекта), домъ № 6, кв. № 1) ежедневно, кромѣ праздничныхъ дней, отъ 10 часовъ утра до 4 часовъ пополудни.

IV. Гг. подписчики, желающіе получать отвѣты на присылаемые въ Редакцію письма, благоволятъ прилагать на отвѣтъ почтовую марку.

ОТЪ КОНТОРЫ. № 34-й «Живописнаго Обозрѣнія» сданъ на городскую почту 25-го августа въ 6 часовъ 20 минутъ утра, на иногороднуюпочту 26-го августа въ 12 часовъ пополудни.

СОДЕРЖАНІЕ.

Издатель Н. И. Шульгинъ.
Редакторъ Д. А. Карчъ-Карчевскій.

Дозволено цензурою. С-Петербургъ, 31 Августа 1879 года.
Типографія Императорской Академіи Наукъ. (Вас. Остр., 9 лин., д. № 12.)